СОЧИНЕНІЯ

А. И. ПОДОЛИНСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

СОЧИНЕНІЯ А. И. ПОДОЛИНСКАГО.

I.

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ПОДОЛИНСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 27 Августа 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Новое изданіе сочиненій А. И. Подолинскаго раздѣлено на двѣ части. Въ первой помѣщены стихотворенія, вошедшія въ составъ изданія 1837 года и писанныя съ 1826 по 1836 годъ, большею частію въ первой молодости автора. Теперь они вновь имъ пересмотрѣны и многія изъ нихъ, въ особенности же поэма *Нищій*, значительно исправлены. Вторая часть заключаетъ въ себѣ все, что, по выходѣ уже прежняго изданія, было разбросано въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, а также *легенду панъ Бурлай* и *37 мелкихъ стихотвореній*, которыя до сего времени нигдѣ еще не были напечатаны.

ДИВЪ и ПЕРИ.

«Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, коль скоро первые брали въ плѣнъ послѣднихъ, то запирали ихъ въ желѣзныя клѣтки, которыя привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнницъ посѣщали ихъ и приносили имъ лучшія благовонія.»

Ричардсонъ.

ДИВЪ и ПЕРИ.

I.

Изъ предѣловъ Сегестана
Къ дальнимъ рощамъ Хорасана
Пери легкая неслась. —
Тѣнь ложилась на равнины....
И безмолвны тѣ долины,
Гдѣ когда-то кровь лилась;
Гдѣ неслись Ордынцевъ клики,
Голосъ Керны завывалъ,
И на трупахъ тотъ Великій,
Тотъ ужасный пировалъ,
Кто на царства и народы
Съ шумомъ бури налеталъ,

И, какъ вихорь непогоды,
Разрушеніемъ дышалъ!

II.

Онъ промчался — и повсюду
Нивы кровью напоилъ;
Грады въ каменную груду,
Въ пепелъ храмы обратилъ!
Но свершилось! — Мечъ Некира,
Мечъ Судебъ неумолимъ:
Онъ сверкнулъ — и въ лонѣ мира
Пепелъ грознаго хранимъ!...
Стихнулъ вихрь опустошенья;
Битвы смолкли: — и одинъ
Мрачный духъ уединенья
Ходитъ въ сумракѣ долинъ.
Онъ задумчивъ и печаленъ —
Часто зримъ во мглѣ ночной,
Надъ громадою развалинъ,
Озаряемыхъ луной.

III.

Тотъ предѣлъ перелетая,
Видитъ Пери: — чуть мелькая,

Между кампей цвѣтъ ночной
Блещетъ радужной росой;
И склонясь подъ сѣнью древа,
Какъ задумчивая дѣва,
Дремлетъ въ нѣгѣ, — и сквозь сонъ,
Ароматомъ дышитъ онъ.
И къ нему, благоуханьемъ
Съ высоты привлечена,
Мчится Пери, и дыханье
Пьетъ душистое она.

IV.

Но ужъ вечеръ потухаетъ;
На равнинахъ темнота;
Вотъ на небо выплываетъ
Мѣсяцъ, ночи красота;
Вотъ, какъ Аліевы очи,
Засіяли звѣзды ночи
Въ лонѣ сумрачныхъ небесъ....
«Тамъ — надъ ними край чудесъ —
Пріунывъ, сказала Пери —
«Тамъ — но что жъ? — Къ Эдемской двери
«Подлетѣть не смѣю я.

*

«Входъ въ нее — не для меня!»
Смолкла.... Звѣздные узоры
Ей сіяютъ съ вышины,
И задумчивые взоры
Грустно къ нимъ обращены....

V.

Вотъ и поздно. — Пери снова
Понеслась, — и ей видна —
Одинока и темна —
Та священная дуброва,
Гдѣ надъ сѣнію вѣтвей
Храмы Гебровъ подымались;
Гдѣ народы собирались
Въ мглѣ торжественныхъ ночей.
Тамъ — дымились ихъ кадила;
Тамъ — звучали ихъ пиры
Въ честь полдневнаго свѣтила;
Рдѣли заревомъ костры;
Чаши нектаромъ кипѣли,
И до утра гимны пѣли —
Подъ навѣсами деревъ —
Хоры юношей и дѣвъ.

VI.

Дѣвы солнца! гдѣ вы нынѣ?
Вотъ священный огнь погасъ!
И въ таинственной пустынѣ
Прорицаній смолкнулъ гласъ!...
Васъ ужъ нѣтъ!... Но тѣни ваши
Въ часъ, какъ изъ небесной чаши
Льется мракъ — межъ облаковъ,
Цѣпью легкою мелькаютъ;
И съ гармоніей міровъ
Гимнъ торжественный сливаютъ. —
И когда, ночной порой,
Сядетъ путникъ запоздалой,
Опершись рукой усталой
На обломокъ гробовой, —
Онъ услышитъ ваше пѣнье,
И какъ сладкое видѣнье,
Васъ увидитъ сквозь деревъ —
Въ свѣтломъ сонмѣ райскихъ дѣвъ....

VII.

Но изъ пепла не возстанутъ
Храмы солнца на холмахъ!

И вѣка не перестанутъ
Попирать забытый прахъ!
Все прошло! — сѣдые своды
Рушилъ времени полетъ;
И порывомъ непогоды
Скоро слѣдъ ихъ замететъ. —
Такъ! святыни Гебровъ пали; —
Но поникшія къ стопамъ,
Какъ завѣтныя скрижали,
Святы позднимъ племенамъ....
И на мшистые обломки
Смотрятъ — мрачные душой,
Гебровъ грустные потомки
Съ умиленьемъ и тоской!...

VIII.

Длинный рядъ поникшихъ зданій
Видитъ Пери — и мрачна, —
Какъ предъ ней страна преданій, —
Снова мыслію она:
«Вотъ земное! прахъ ничтожный!
Нынѣ въ блескѣ: завтра гдѣ?
Дунетъ вѣтръ неосторожный, —

И, какъ тѣни на водѣ, —
Все исчезнетъ! — все! — Давно ли
Здѣсь, на солнцевомъ престолѣ,
На порфировыхъ столпахъ —
Розы пышныя блистали
И кругомъ благоухали
На раскинутыхъ коврахъ?
Гдѣ жъ онѣ? — Онѣ завяли
Въ дни торжествъ, какъ въ дни печали,
Вянутъ свѣжіе цвѣты:
Какъ въ рукахъ окостенѣлыхъ,
Какъ на персяхъ охладѣлыхъ
Въ гробѣ юной красоты. —

IX.

«Но пускай въ тѣни долины
Блекли розы: — имъ одну
Жить и радовать весну: —
Что же храмы? Исполины,
Возраставшіе въ вѣкахъ,
Коихъ гордыя вершины
Озарялись въ облакахъ, —
Чуть мелькалъ на небосклонѣ

Пламень утреннихъ огней,
И казались дня на склонѣ,
Будто въ огненной коронѣ,
Отражая блескъ лучей!
Мнилось — памятники славы —
Ихъ громады величавы
Устоятъ противъ вѣковъ:
Устоятъ — доколь не двинетъ
Тотъ вселенныя основъ,
Кто велитъ—и опрокинетъ
Сонмъ пылающихъ міровъ;
Кто съ высотъ — небесъ опоры —
Раздробитъ сѣдыя горы,
Хлынетъ моремъ на поля;
И по чьей единой власти
Не развалится на части
Полъистлѣвшая земля!

X.

«Но ужаснаго воззванья
Грозный день не наступалъ;
Голосъ Ангела молчалъ;
И такъ въ утро мірозданья
На землѣ, на небесахъ,

Все, чѣмъ Вѣчно-неизмѣнной
Намъ украсилъ кругъ вселенной, —
Видимъ въ прежнихъ красотахъ:
Горы, холмы устояли,
Блещутъ воды, какъ блистали,
И цвѣты среди полей
Тѣ жъ: — а храмы солнца — пали! —
Въ прахъ созданія людей!
И еще чредой завѣтной
Дни за днями протекутъ;
Ихъ остатки непримѣтно
Мхомъ и плющемъ заростутъ;
И о нихъ воспоминанье,
Какъ невѣрное преданье,
Родъ изъ рода сохранитъ;
И загадкой для потомковъ
Будетъ мѣсто — гдѣ лежитъ
Рядъ священныхъ ихъ обломковъ.»

XI.

Такъ въ мечты погружена,
Сострадательная Пери
Невозвратныя потери
Вспоминала; — и грустна

(Какъ Седжина стражъ упылой —
Чье перо изобразило
На нетлѣющихъ листахъ
Повѣсть слезъ и злодѣянья,
Казнь погрязнувшихъ въ грѣхахъ,
И молитвы покаянья),
Надъ развалиной она
Легкимъ призракомъ мелькала!
То во мракѣ утопала,
То луной озарена,
Въ новомъ блескѣ выплывала....
Вдругъ — прервалась тишина,
Вся дубрава зашумѣла,
Будто буря налетѣла,
Будто дождь въ листахъ шумѣлъ,
И со свистомъ вѣтръ летѣлъ.

XII.

Пери внемлетъ — и въ смущеньи,
Вѣщимъ сердцемъ узнаетъ
Дивовъ сумрачныхъ полетъ:
Гдѣ укрыться? Нѣтъ спасенья
Ни въ дубровѣ, ни въ тѣни!

Грозныхъ Дивовъ зорки очи!
И привычнѣй къ мраку ночи,
И быстрѣй летятъ они....
Вотъ ужъ близко, вотъ ужъ вѣетъ
Вѣтръ отъ ихъ шумящихъ крилъ....
Пуще Пери цѣпенѣетъ,
Пуще духъ ея упылъ:
Но съ усильемъ развиваетъ
Крилы легкія — и вдругъ
Въ тѣнь деревъ перелетаетъ....
Тщетно все! уже вокругъ
Дивы быстрые стѣснились,
Зашумѣли, опустились,
И влекутъ между вѣтвей
Пери плѣнницей своей!
Такъ надъ горлицей пугливой
Хитрый коршунъ торопливо
Промелькнетъ — и на лету,
Мчитъ добычу въ высоту.

XIII.

Очарована отъ вѣка —
Есть громада дикихъ скалъ.

Взоръ и голосъ человѣка
Въ ихъ предѣлъ не проникалъ;
Ихъ безплодная вершина
Безобразна и мрачна,
И, какъ темя исполина,
Въ тучахъ кроется она. —
Но въ оградѣ ихъ кремнистой
Лугъ роскошный и душистой
Кинутъ мягкой пеленой;
Лучъ весны его лелѣетъ,
Зной не жжетъ и хладъ не вѣетъ:
Но вечернею порой
Тихій вѣтръ полудня дышетъ,
И едва, едва колышетъ
Вѣтви лавровъ и оливъ;
И, какъ радуги отливъ,
Изъ ущелистой громады
Съ шумомъ льются водопады. —
И кругомъ, между цвѣтовъ,
Будто искры золотыя,
Въ воздухъ вѣтромъ поднятыя,
Блещутъ крылья мотыльковъ.
Все въ лугу уединенномъ,
Мнится, нѣгой упоеннымъ —

И любовію: — но онъ
Не былъ нѣгѣ посвященъ.

XIV.

Дивы силой талисмана
Изъ сокровищъ Океана
Тамъ сложили дивный гротъ;
Въ немъ то перлы, то кораллы
То янтарные кристаллы,
Какъ въ чертогахъ духа водъ;
И отъ стѣнъ его сіянье,
И кругомъ благоуханье
Дышетъ съ ясной высоты;
Нѣгой чувства утомляетъ
И невольно пробуждаетъ
Сердцу сладкія мечты....
Но отъ вѣка наслажденьемъ
Гротъ сей не былъ оживленъ:
Дивовъ сильнымъ поколѣньемъ
Безотлучно охраненъ;
И рѣшеткою до свода
Крѣпко сомкнутый у входа,
Плѣнницъ ихъ скрываетъ онъ.

XV.

И какъ призракъ тотъ прелестной,
Какъ волшебный идеалъ,
Въ коемъ юноша создалъ
Образъ дѣвы неизвѣстной; —
Дѣвы той, о коей онъ
Въ ночь безсонную тоскуетъ;
Чьи красы въ мечтахъ рисуетъ,
Думой страстной распаленъ:
Такъ плѣнительная Пери
Въ гротѣ томъ заключена —
Чуть мелькаетъ, чуть видна
Сквозь рѣшетчатыя двери:
И предъ ней, главу склонивъ,
Недвижимъ на камнѣ мшистомъ,
Стражъ ея, суровой Дивъ
Видѣнъ въ свѣтѣ серебристомъ
Потухающей луны. —
И на Дива съ вышины
Вѣтръ прохладный налетаетъ
И колебля пухъ крыла,
Кудри черные взвѣваетъ
И клубитъ ихъ вкругъ чела.

XVI.

Но ужъ гаснетъ, померкая,
Строй полуночныхъ свѣтилъ.
Ангелъ свѣта растворилъ
Дверь Эдема — и блистая
Пурпуръ дня межъ облаковъ,
Льется райскими лучами:
Какъ сіянье надъ главами
Неотверженныхъ Духовъ.
Разошлись ночныя тѣни,
Зарумянился потокъ;
И цвѣты и рощей сѣни
Обратились на Востокъ.
И роса изъ лона розы
Покатилась на листы,
И сіяетъ, будто слезы
На румянцѣ красоты. —
Но недвижный и угрюмой —
Дивъ объятъ мятежной думой....
И зарей освѣщена,
Пери все томна, блѣдна:
Какъ Аравіи холмистой
Цвѣтъ блестящій и душистой —

Если хладомъ поражёнъ, —
Блекнетъ вдругъ и вянетъ онъ.

XVII.

И на волю изъ темницы
Смотритъ плѣнница сквозь слёзъ:
Благодатный лучъ денницы
Ей веселья не принёсъ;
Ей не въ радость дня сіянье,
И невольное стенанье
Перси жаркія тѣснитъ....
Въ грусти Пери говоритъ:
«Облака, куда летите?
«Подождите, посмотрите,
«И снесите въ вышинѣ
«Вѣсть подругамъ обо мнѣ:
«Имъ доступно состраданье;
«На печальное свиданье
«Съ высоты слетятъ онѣ!
«И цвѣтовъ блестящихъ златомъ
«Мнѣ повѣютъ ароматомъ;
«И алмазъ и изумрудъ
«Въ даръ унылой принесутъ....

«Но зачѣмъ сіянье злата?
«Что мнѣ вешній ароматъ?
«Воли горькая утрата,
«Чѣмъ тебя мнѣ замѣнятъ?

XVIII.

«Дайте жъ, дайте мнѣ свободу!
«Я къ румяному восходу,
«Въ безпредѣльность высоты,
«Полечу быстрѣй мечты!
«Тамъ вольнѣй мое дыханье,
«Тамъ яснѣй увижу я
«Пробужденное созданье
«Въ полномъ блескѣ бытія!
«Тамъ лучами дня согрѣта,
«Встрѣчусь я съ духами свѣта,
«Съ ихъ сіяніемъ сольюсь....
«Что? Куда? О чемъ молюсь!
«Мнѣ ль преступной упованье?
«Мнѣ ль отверженной сіянье,
«И Эдема красота?
«О бѣги, бѣги мечта!
«Вижу сомкнутыя двери;

«Я въ плѣну!» и очи Пери
Полны слезъ.... и вновь она
Тайной грусти предана.

XIX.

Тихій плачъ ея, стенанья
Внемлетъ Дивъ. — Доселѣ онъ
Безъ участья, безъ вниманья
Видѣлъ слёзы, слышалъ стонъ:
Нынѣ — голосъ прежде милый
Въ рѣчи плѣнницы унылой
Онъ узналъ; онъ все забылъ —
Гнѣвъ, вражду и клятвы мщенья....
Онъ на Пери обратилъ
Взоръ невольный сожалѣнья. —
И для ней краснорѣчивъ
Былъ тотъ взоръ: — она узнала,
Отъ чего суровый Дивъ
Вдругъ смягчился — и сказала:

XX.

«Дивъ! ужель не плачешь ты
«Объ утраченномъ блаженствѣ,

«О небесномъ совершенствѣ
«Нашей прежней красоты?
«Злобный, мрачный — ты не видишь
«Блеска утреннихъ небесъ!
«Иль отвергъ и ненавидишь
«Ты Зиждителя чудесъ?
«Иль не хочешь, иль не просишь
«Первой жизни, первыхъ дней,
«И мечты не переносишь
«Вновь къ Источнику лучей, —
«Къ Вѣчному Владыкѣ свѣта, —
«Кѣмъ вселенная согрѣта,
«Кто разсѣялъ, кто возжёгъ
«Звѣзды яркой полосою?
«Кто бы вдругъ во гнѣвѣ могъ
«Ихъ обрушить надъ тобою!...
«Ты — Безсмертнаго Лица —
«Чистый, — прежде не чуждался;
«На тебѣ Его вѣнца
«Блескъ чудесный отражался!...
«И предъ дивнымъ блескомъ симъ
«Что сіяніе земное?
«Наше солнце золотое —
«Тѣнь вечерняя предъ нимъ!...

XXI.

«Вспомни, Дивъ: и мы сіяли,
«И ликуя называли —
«Не тревожимы ничѣмъ —
«Нашей родиной Эдемъ!
«О! кто блескъ его опишетъ?
«Кто постигъ его душой?
«Въ немъ всё жизнь, всё жизнью дышетъ
«И любовію святой!
«Изъ его священныхъ сѣней
«Геній тайныхъ размышленій
«Навѣваетъ мысль о немъ —
«Надъ возвышеннымъ пѣвцемъ!
«Но земному ль откровенья
«Тайный помыслъ разгадать,
«И порывы вдохновенья
«Звукамъ слово передать?
«Онъ разскажетъ ли понятно
«Объ Эдемской тишинѣ,
«О денницѣ необъятной,
«О негаснущей веснѣ?
«Нѣтъ! предъ смертнымъ не спадаетъ
«Тотъ таинственный завѣсъ,

«Коимъ Алла отдѣляетъ
«Человѣка отъ небесъ!...
«Кто же зрѣлъ, какъ дѣвы рая,
«Вѣчной младостью блистая,
«Вѣрнымъ въ срѣтенье летятъ, —
«И для нихъ, отъ трона Аллы,
«Носятъ звѣздные фіалы?
«Кто извѣдалъ, какъ горятъ
«Гурій страстныя лобзанья, —
«Въ коихъ слиты всѣ желанья
«Всѣ восторги бытія?
«И, — не свѣтлый небожитель —
«Кто проникнулъ въ тѣ края,
«Въ ту блестящую обитель,
«Гдѣ составилъ звучный хоръ
«Свѣтлый Ангеловъ соборъ?...
«Онъ поётъ, — и Алла внемлетъ:
«И созданіе объемлетъ
«Тишина; — и строй міровъ
«Неподвиженъ, умолкаетъ,
«И въ безмолвіи внимаетъ
«Звукамъ райскихъ голосовъ!
«Вспомни, Дивъ, — и мы сливали
«Съ ними нѣкогда свой гласъ;

«Вспомни — нѣкогда и насъ
«Братски Ангелы лобзали! —
«Тоже ль нынѣ?...»

XXII.

— Дивъ прервалъ:
«Пери, Пери,» онъ сказалъ, —
«Сердцу сѣтовать напрасно!
«Что мечты? — будить опасно
«Ихъ въ сердечной глубинѣ: —
«Пусть безмолствуютъ онѣ!
«Намъ изъ сумрака забвенья,
«Дней утраченныхъ видѣнья
«Думой вновь не вызывать;
«Пери, жребій нашъ — страдать!
«Несть яремъ существованья,
«И насильно заглушать
«Сердца тайныя роптанья!
«Такъ, о жребіи другомъ
«Позабудь, — мечта иная
«Отравитъ мечту о немъ:
«Мы отторгнуты отъ рая —
«И отторгнуты — на вѣкъ!»...

XXIII.

— «Дивъ! но падшій человѣкъ,
«Смертный, немощный предъ нами,
«Не надѣется ль, что вновь
«Съ нимъ Предвѣчнаго любовь
«Примирится? — И лучами
«Новой жизни озарёнъ,
«Падшій — вновь возстанетъ онъ?
«Дивъ! мы первенцы созданья,
«Мы ль утратимъ упованья!
«Нѣтъ! и къ намъ не будетъ строгъ
«Тотъ, кто вдругъ создать возмогъ
«Полноту Своей Державы
«И для жизни вызвалъ насъ,
«Чтобъ заря предвѣчной славы
«И надъ нами разлилась!»

XXIV.

— «Такъ! Небеснаго начала
«Отпечатокъ сохраняла
«Пери, ты и на землѣ;
«Я — забытый, брошенъ въ мглѣ;

«Вѣчный мракъ — моя стихія:
«Нѣдра горъ, лѣса глухіе —
«Мнѣ жилище; ночь и день
«Я скитаюся какъ тѣнь!
«Я кляну существованье!
«Мысль одна, одно желанье,
«Чтобъ внезапно на меня
«Грянулъ громъ неотразимый;
«И какъ вѣтромъ дымъ носимый,
«Такъ разсѣялся и я!
«Пери! тщетныя желанья!
«Нѣтъ, конца существованья
«Я напрасно бы искалъ!...
«Помню: часто я леталъ
«Надъ Ливійскими песками;
«И шумящими крылами
«Вихрь и бурю подымалъ;
«Выше горъ, чѣрнѣе тучи
«Вдругъ взвѣвался прахъ летучій,
«Подъ песчаною волной
«Гибли путники толпой!
«И въ пескахъ погибнуть съ ними
«Я хотѣлъ, — но вихрь стихалъ, —
«И межъ труповъ я стоялъ,

«Смерти жаждою томимый!...
«Часто въ сумракѣ ночномъ
«Я слыхалъ: — подземный громъ
«Прогремитъ, — и дымъ и пламень
«Заклубятся надъ землей;
«И летитъ разженный камень,
«И, свистя во мглѣ ночной,
«Столпъ чертитъ онъ огневой:
«Скалы, зданія, дубравы
«Съ страшнымъ грохотомъ падутъ;
«И валы кипящей лавы
«И клокочутъ и ревутъ....
«И стремясь къ отверзтью бездны,
«Алчно смерти я искалъ! —
«Что же? пламень потухалъ
«И средь гибели, безвредный,
«Я одинъ не погибалъ!

XXV.

«И съ послѣднимъ упованьемъ
«Я стремительно летѣлъ
«Въ край далекій, въ тотъ предѣлъ,
«Гдѣ язвительнымъ дыханьемъ

«Вѣтръ пустыни навѣвалъ;
«И въ странѣ опустошенной —
«Въ воздухъ зноемъ распаленной
«Смерти ядъ переливалъ. —
«Тамъ повсюду я встрѣчалъ
«Разрушенія картины:
«Блекли рощи и долины,
«Изсякали ложа рѣкъ;
«Градъ за градомъ разрушался,
«И страшился и чуждался
«Человѣка человѣкъ!
«Гибло все: — и ядовитый
«Воздухъ жадно я впивалъ;
«Онъ мнѣ перси и ланиты
«Будто пламень распалялъ:
«Но сбылось ли ожиданье?
«Нѣтъ, напрасное желанье!
«Онъ не мнѣ въ погибель былъ:
«Я страдалъ: — но все я жилъ!...
«Пери! въ общемъ разрушеньи
«Я лишь гибели искалъ:
«Въ ней мнѣ Алла отказалъ!
«Что же мыслить о прощеньи?
«Что на благость уповать?

«Казнь на грѣшномъ тяготѣетъ;
«На челѣ моемъ чернѣетъ
«Отверженія печать!»

XXVI.

—«Смолкни, Дивъ! о нѣтъ, не мысли,
«Что Творецъ неумолимъ;
«Но въ смиреніи, исчисли
«Ты грѣхи свои предъ Нимъ;
«И съ глубокимъ покаяньемъ,
«Съ вѣрой, съ чистымъ упованьемъ
«Припади къ Его стопамъ!
«О, повѣрь моимъ словамъ:
«Если-бъ гордый возмутитель,
«Если-бъ Эвлисъ предъ Творцемъ
«Палъ, въ раскаяньи, челомъ,
«И ему бы Вседержитель
«Слово милости изрекъ.
«А къ тебѣ-ль Онъ будетъ вѣкъ
«Непреклоненъ? — Въ день паденья,
«Ты, въ обманѣ обольщенья,
«Свой проступокъ совершилъ,
«Ты ни въ комъ не растравилъ
«Страшной мысли возмущенья!...

«Дивъ, надѣйся и молись!
«Грѣхъ искупишь ты моленьемъ. —
«Но предъ Свѣтлымъ Примиреньемъ
«И со мною примирись!»

XXVII.

Безотвѣтенъ, въ размышленьи,
Дивъ, казалось, не внималъ;
Но души его волненье
Взоръ смущенный выражалъ.
Долго, долго онъ молчалъ!
Вдругъ — ланиты запылали —
«Добрый духъ!» воскликнулъ онъ, —
«Пери, Пери, о! тебя ли
«Гналъ я, местью распаленъ?
«Ты одна ко мнѣ склонила
«Состраданья свѣтлый взоръ;
«Ты въ преступномъ пробудила
«Тайный совѣсти укоръ:
«Такъ, вина моя велика —
«Правосуденъ мой Владыка
«Онъ за грѣхъ меня каралъ;
«Но лишилъ ли упованья?

«Нѣтъ, Онъ въ чувствѣ покаянья
«Путь къ спасенью указалъ!
«Дай же руку примиренья,
«Пери, грустному внемли;
«И со мною о прощеньи
«Вседержителя моли!»
И рѣшетчатыя двери
Дивъ сорвалъ... Онъ руку Пери
Жалъ горячею рукой;
И съ раскаяньемъ, съ мольбой
Въ прахъ челомъ они упали!
По ланитамъ ихъ бѣжали
Слезы жаркою струей.

XXVIII.

Такъ, въ священномъ умиленьи,
Долго было ихъ моленье....
Вдругъ... надъ ними тихій звонъ!...
Струнъ невидимыхъ бряцанье;
И кругомъ на небосклонъ
Льется яркое сіянье;
И съ востока все яснѣй
Слышенъ голосъ; онъ звучнѣй —

Межъ горами утаенныхъ —
Вѣчнымъ звукомъ оживленныхъ
Гармоническихъ ключей...
Дивъ и Пери, въ изумленьи,
Смотрятъ... Кто жъ явился имъ?
Съ пальмой свѣтлой примиренья
Духъ прелестный Израфимъ.

XXIX.

И гласитъ посланникъ Бога:
«До надвѣзднаго чертога,
«Къ трону Аллы въ краткій мигъ,
«Гласъ раскаянья достигъ!
«Духи! чистое моленье
«Милосердо Онъ пріялъ,
«И въ Седжинѣ записалъ
«Ангелъ ваше примиренье.
«Но еще прекрасный рай
«Не для васъ: — изъ края въ край
«Землю вмѣстѣ облетите,
«И красой достойныхъ дѣлъ
«Блескъ Эдема искупите...
«Такъ Создатель повелѣлъ!

«Вы невидимымъ покровомъ
«Будьте смертнымъ: — но когда
«На востокѣ, въ блескѣ новомъ,
«Вспыхнетъ новая звѣзда;
«О, тогда конецъ желаньямъ —
«Вы летите съ упованьемъ:
«Свѣтлый рай для васъ открытъ!»
Ангелъ смолкнулъ, — и паритъ —
И сокрылся въ отдаленьи.
Но незримой арфы пѣнье
Вновь въ Эфирѣ раздалось,
И струей благоуханье —
Будто лиліи дыханье —
Надъ землею пролилось.

XXX.

Вслѣдъ за гостемъ лучезарнымъ
Смотритъ Пери, смотритъ Дивъ,
Взоры съ чувствомъ благодарнымъ
Вновь къ востоку обративъ:
Мнилось, имъ преображалось,
Воскресало все для нихъ;
Вся природа, имъ, казалось,

Обновлялась въ этотъ мигъ!
И ужъ крылы ихъ трепещутъ —
Вотъ шумятъ, — и въ высотѣ
Дивъ и Пери снова блещутъ
Въ первобытной красотѣ,
И летятъ; — и все пестрѣетъ,
Все теряется вдали;
И уже едва свѣтлѣетъ
Передъ ними кругъ земли.

XXXI.

Дни бѣгутъ, лѣта мелькаютъ
Неизмѣнною чредой:
Каждый годъ рука съ рукой
Дивъ и Пери посѣщаютъ
Край за краемъ. Надъ землей
Льются ихъ благодѣянья: —
Ихъ достойные дѣянья
Человѣкъ благословлялъ;
И объ нихъ воспоминанье
Онъ потомству завѣщалъ.
Но у нихъ одно желанье,
Мысль все та же; и она
Имъ отрадою одна.

«Скоро ль, скоро ль?» Вопрошают
Другъ у друга — и порой
Съ тихимъ вздохомъ и слезой
Взоръ къ востоку обращают.

XXXII.

Вотъ однажды погасалъ
День на небѣ Персистана;
На платанахъ вдоль Курхана
Лучъ послѣдній трепеталъ.
И вечернее моленье
Духи въ стройномъ пѣснопѣньи
Совершали.... Вдругъ вдали,
Отдѣлившись отъ земли,
Огнь румяный покатился, —
И востокъ воспламенился:
И желанная звѣзда
Загорѣлась! — Что жъ тогда
Дивъ и Пери? — Вдругъ сіяютъ
Въ красотѣ ея лучей.
«О Создатель!» восклицаютъ —
И взвились! — и прямо къ ней!...

БОРСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

La natura ha d'innanzi due urne immense. In una stanno i nomi degli uomini, ch'essa chiama alla vita, quelli delle donne nell'altra. Colla destra tira fuori della prima un nome, uno ne tira fuori colla sinistra dalla seconda. Il destino li scrive sulla stessa linea tutti e due nel libro della vita. Non v'è forza che possa più disunirli. —

Tasso.

БОРСКІЙ.

ГЛАВА I.

Подъ небомъ чуждымъ бѣдный странникъ,
Владимiръ Борскiй, много дней
Провелъ, скитаясь, какъ изгнанникъ,
Вдали отъ родины своей;
Чужой языкъ, чужiе нравы
Ему знакомы; видѣлъ онъ
Холодный, гордый Альбiонъ,
И Сены берегъ величавый;
Задумчивъ долго онъ блуждалъ
Въ стѣнахъ развѣнчаннаго Рима,
И отъ гробницъ его бѣжалъ,
Величьемъ мертвымъ ихъ томимый;

Въ отчизнѣ Теля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой,
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.
Полміра грустный гражданинъ,
Безъ цѣли шелъ онъ въ край изъ края,
И на развалинахъ Аѳинъ
Стоялъ, о Сѣверѣ мечтая!

Но годы странствій протекли,
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлъ родной своей земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя, съ воротъ упалъ затворъ,
Они скрыпятъ — и торопливо
Проходитъ Борскій длинный дворъ,
Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мертвый сонъ!
Кругомъ былаго нѣтъ и тѣни!
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ,
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ; и, съ грохотомъ глухимъ,

Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И къ верху съ крикомъ понеслась....

Въ отцовскій домъ Владиміръ входитъ;
Ряды покоевъ передъ нимъ;
И въ нихъ онъ, молча, долго бродитъ,
Воспоминаніемъ томимъ.
Не это ль пышная свѣтлица,
Гдѣ пировалъ его отецъ?
Она затихла наконецъ,
Она безмолвна какъ гробница!
Кругомъ на стѣнахъ расписныхъ
Мелькаютъ въ рамахъ вырѣзныхъ
Знакомыя издавна лица;
Но сѣтью темной ихъ заткалъ
Кой-гдѣ паукъ трудолюбивый,
Развалинъ житель молчаливый.
Въ пыли, онъ далѣе встрѣчалъ
Рядами ружья и кинжалы,
Рога и сабли на ремняхъ,

И въ ветхихъ, дѣдовскихъ шкапахъ
Ковши и древніе бокалы.
Его очамъ, какъ давній сонъ,
Опять минувшее предстало;
И сердце вдругъ затрепетало,
И тихо взоръ потупилъ онъ....

Но что? какою грустью новой
Окованъ Борскій? — передъ нимъ
Покой съ панелію дубовой,
Объятый сумракомъ нѣмымъ
Владиміръ сталъ: — здѣсь все родное!
Здѣсь въ колыбели онъ игралъ
И имя матери святое
У ней на персяхъ лепеталъ!
Душою чистый, безмятежный,
Игривъ, какъ легкій вѣтерокъ,
Не вѣдалъ онъ, младенецъ нѣжный,
Что добродѣтель, что порокъ!
Въ его душѣ неомраченной
Таились миръ и правота,
Какъ бы въ святынѣ, охраненной
Нетлѣннымъ знаменьемъ креста.
Здѣсь долго, полный впечатлѣній,

Владиміръ, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
Не зная жизни и людей,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣній.
Его мечта въ волшебный міръ
Людей и свѣтъ преобразила,
И ею созданный кумиръ
Его душа боготворила!
Онъ жилъ, онъ жизнь благословлялъ!
И, подозрѣньямъ недоступной,
Онъ слѣпо сердцемъ довѣрялъ
Любви и дружбѣ неподкупной.
Давно ль? И что жъ? — Мечты не тѣ!
Съ его очей повязка пала,
И, безъ покрова, жизнь предстала
Въ своей ужасной наготѣ!
«Безумецъ!» мыслитъ онъ «не я ли
Надеждамъ сердце предавалъ,
И людямъ руку простиралъ,
Когда мнѣ люди измѣняли?
Я говорилъ: даруетъ Богъ
Мнѣ въ жизни друга и собрата,
И я не зналъ, что я бы могъ
Купить друзей цѣною злата!
Что я нашелъ въ толпѣ людей?...

Корысть, измѣну, хладъ разврата
И легкомысліе дѣтей!
Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужъ знаю тягость бытія
И сердцу чуждо слово: радость!
Не разъ, сомнѣньямъ предана,
Моя душа изнемогала;
Теперь... опять... но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго — *она»* ...
И снова тягостнымъ сомнѣньемъ,
Невольно, Борскій возмущенъ,
Трепещетъ — будто пораженъ
Какимъ-то страшнымъ подозрѣньемъ.
Къ окну подходитъ тихо онъ,
Глядитъ въ раздумьи молчаливомъ:
Предъ нимъ блистательнымъ разливомъ
Несется Днѣпръ — но, полонъ думъ
И грезъ любви первоначальной,
Владиміръ слушаетъ печально
Днѣпровскихъ волнъ и плескъ и шумъ...

———

ГЛАВА II.

Минула ночь; прозрачнымъ паромъ
Туманъ клубится; небосклонъ,
Какъ будто вспыхнувшимъ пожаромъ,
Сіяньемъ утра озаренъ.
Томимъ сердечною тревогой,
Безсонной ночью изнуренъ,
Владиміръ вышелъ на балконъ.
Вершины горъ и брегъ отлогой
Уже свѣтлѣютъ; за Днѣпромъ
Луга пространные кругомъ
Въ туманахъ утреннихъ мелькаютъ;
И, отдѣлившись отъ земли,
Главы Печерскія блистаютъ

Златыми звѣздами вдали.
Въ раздумьи Борскій равнодушно
Глядитъ на все; не освѣженъ
Прохладой утреннею онъ;
Груди волнующейся душно...
Но вотъ внезапный, легкій шумъ
Выводитъ Борскаго изъ думъ.
Онъ оглянулся торопливо...
И видитъ онъ: черезъ покой
Проходитъ тихо, молчаливо,
Священникъ дряхлый и сѣдой.
Его осанку и одежду
Владиміръ съ трепетомъ узналъ:
Не онъ ли въ дѣтствѣ съ нимъ игралъ,
Не онъ ли сладкую надежду
Въ открытомъ сердцѣ разливалъ?
Еще незнаемый порокомъ,
Владиміръ старца полюбилъ;
Какъ онъ внималъ, какъ тронутъ былъ
Его спасительнымъ урокомъ.
Но — вотъ онъ!...

СВЯЩЕННИКЪ.

Миръ тебѣ, мой сынъ!

БОРСКІЙ.

Благодарю.

СВЯЩЕННИКЪ.

Моихъ сѣдинъ
Инымъ не радуешь привѣтомъ?
Меня твой взглядъ остановилъ:
Онъ, въ сердцѣ дружбою согрѣтомъ,
Свиданья радость отравилъ....

БОРСКІЙ.

Прости; какъ прежде, я не смѣю
Тебя обнять; я не умѣю
Теперь....

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты другу измѣнилъ!
Въ твоихъ рѣчахъ какой-то холодъ!
Какъ прежде, ты цвѣтущъ и молодъ,
Но — ты не тотъ!...

БОРСКІЙ.

Отецъ! я жилъ!...

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты жилъ! Но гдѣ жъ твои сѣдины,
Примѣта горестей и лѣтъ?
Или глубокія морщины
Печальныхъ дней печальный слѣдъ?

БОРСКІЙ.

О, не суди меня по взгляду!
Ты долго жилъ — но жилъ въ тиши,
И жизнь была тебѣ въ отраду:
Тревоги немощной души
Ты не поймешь; — и гдѣ найду я
Страну, въ которой бы опять
Могъ отдохнуть я, не тоскуя,
Могъ снова жизнь благословлять?
Когда бъ ты зналъ....

СВЯЩЕННИКЪ.

Моимъ урокомъ
Нести свой крестъ — и не роптать!

БОРСКІЙ.

Меня, заслуженнымъ упрекомъ,
Ты смѣло можешь укорять.
Я знаю, ты меня осудишь,
Но сознаюсь: въ душѣ моей
Своимъ упрекомъ не пробудишь
Довѣрья прежнихъ, ясныхъ дней.
Я это, съ горестью, предвижу,
И несознаньемъ не унижу
Передъ тобой моей души.
Но я прошу: ты разскажи
Мнѣ объ отцѣ: его кончину
Богъ не судилъ мнѣ увидать,
Но ты — ты можешь разсказать
Объ ней отвергнутому сыну....

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты правъ; но, Борскій, погоди,
Я вдругъ встревоженъ, — сердцу больно;
При мысли горестной, въ груди
Тоска пробудится невольно....
Но — вотъ какъ было все.... Съ тѣхъ поръ,
Какъ разлучилъ тебя со мною

Отца послѣдній приговоръ,
Онъ жилъ на свѣтѣ сиротою,
И долго, долго я одинъ
Опорой былъ его сѣдинъ!
Его ничто не утѣшало,
Безсмѣнно тайная тоска
Томила душу старика,
И, я замѣтилъ — тяжко стало
Ему глядѣть на Божій свѣтъ!
Онъ говорилъ: «Отецъ, мы оба
Достигли вмѣстѣ позднихъ лѣтъ;
Но мнѣ ужь вѣетъ холодъ гроба;
Умру — и ты, другъ добрый мой,
Благословишь мою кончину!
О, не презри моей мольбой:
Ты мнѣ былъ другъ, — будь другомъ сыну!»
Такъ и сбылося: каждый часъ
Онъ разрушался болѣ, болѣ,
И, въ ночь одну, по Вышней волѣ,
Онъ на рукахъ моихъ угасъ....

Потупя взоръ, объятый думой,
Сидѣлъ Владиміръ; и угрюмо
Печальный слушалъ онъ разсказъ....

Но вдругъ онъ всталъ: «Отецъ, довольно!
Не продолжай; я изнемогъ!»
И слезы яркія невольно
Хотѣлъ онъ скрыть — но скрыть не могъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Мой сынъ, постой, еще два слова
И я окончу мой разсказъ:
Когда, уже въ послѣдній разъ,
Моя рука была готова,
Запечатлѣть его уста
Святымъ причастіемъ Христа,
Онъ вдругъ привсталъ, суровъ и мраченъ,
Какой-то листъ онъ подалъ мнѣ....
Вотъ онъ! — Сей листъ тебѣ назначенъ,
Прочти его наединѣ.

ГЛАВА III.

Одинъ, въ покоѣ отдаленномъ,
Сіяньемъ утра озаренъ,
Стоитъ Владиміръ. Долго онъ,
Въ волненьи страха перемѣнномъ,
Не смѣетъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныя строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты завѣтныя хранятъ,
Быть можетъ, горькіе упреки!
«Но нѣтъ,» онъ мыслитъ, «мой отецъ,
Ты примиренъ моимъ изгнаньемъ!...»

И, полный новымъ ожиданьемъ,
Письмо раскрылъ онъ наконецъ:

«Мой сынъ! Я гасну.... хладомъ вѣетъ
Дыханье смерти на меня....
Въ очахъ туманъ.... рука слабѣетъ,
Едва пишу.... но, въ гробъ клоня
Мою печальную сѣдину,
Я не хотѣлъ.... нѣтъ! я не могъ
Предстать туда, гдѣ судитъ Богъ,
Не даровавъ прощенья сыну!...
Владиміръ! Я тебя любилъ!
Тебя, на долгое изгнанье,
Я, противъ воли, осудилъ,
И, вѣрь мнѣ, это наказанье
Съ тобой невольно я дѣлилъ!...
Я дряхлъ.... не въ тягость мнѣ кончина,
Но я бъ хотѣлъ у сердца сына
Согрѣть остынувшую кровь,
Я бы хотѣлъ.... но, другъ мой, гдѣ ты?...
Твои безумные обѣты,
Твоя несчастная любовь,
Меня такъ горестно лишили
Послѣдней радости моей! —

И не они ль остатокъ дней
Недугомъ тяжкимъ отравили? —

Обманутъ блескомъ красоты,
Скажи, не ту-ли избралъ ты,
Чьимъ родомъ Борскихъ родъ униженъ,
И чьимъ отцемъ я былъ гонимъ?
Мой сынъ! по праву ли обиженъ
Отецъ твой выборомъ такимъ?
Мнѣ жить не многія мгновенья,
И, чувствъ моихъ не утаю:
Я и теперь благословенья
На бракъ, мнѣ чуждый, не даю!
Но нѣтъ, я вѣрю, ты возможешь
Преодолѣть порывъ страстей
И непокорностью своей
Моихъ костей не потревожишь!
Чти мой завѣтъ — и озаритъ
Тебя лучъ горней благодати:
Не то — гроза моихъ проклятій
И въ самомъ гробѣ загремитъ!...»

Владиміръ вздрогнулъ, цѣпенѣетъ,
Въ душѣ смятеніе и страхъ,

И въ помутившихся очахъ
Свѣтило дневное темнѣетъ.
Не могъ онъ далѣе читать;
Рука хладѣя опустилась,
И самъ не смѣлъ онъ разгадать,
Какая мысль въ душѣ таилась!

ГЛАВА IV.

Глубокимъ рвомъ обведена,
На зеленѣющемъ курганѣ,
Часовня ветхая видна;
Окрестъ нее, въ глухой полянѣ,
Ряды могилъ; древа, кусты
На нихъ прохладой навѣваютъ,
И между зелени мелькаютъ
Полуистлѣвшіе кресты.
Здѣсь, путь оконча многотрудный,
Почили прадѣды села.
Какъ мирно жизнь ихъ протекла,
Такъ миренъ сонъ ихъ непробудный!
Предъ свѣтлымъ идоломъ молвы
Не преклоня своей главы,

Въ глуши полей забыты рокомъ,
Они не знали, какъ принесть
Ей можно въ дань и жизнь и честь,
Или блистательнымъ порокомъ
Въ народѣ имя пріобрѣсть!
Они забыты — но упрекомъ
Ихъ внуки, въ будущихъ вѣкахъ,
Не возмутятъ забытый прахъ!

Межъ сихъ могилъ, одна могила, —
Другихъ огромнѣй и виднѣй,
И липа темная надъ ней
Густыя вѣтви наклонила.
Со всѣхъ сторонъ ограждена
Рѣшеткой черною она,
Въ срединѣ двѣ чугунныхъ плиты,
Глубоко вросшія въ мѣста,
И, плющемъ до верху обвиты,
Надъ ними рядомъ два креста.
Владиміръ здѣсь; — онъ съ содроганьемъ
Родныя видитъ имена;
Душа смятенная полна
Какимъ-то страшнымъ ожиданьемъ...
Но тихо все... «Нѣтъ!» молвилъ онъ,

«Вы крѣпко, крѣпко спите оба!
Напрасно жду... вамъ загражденъ
Свинцовой дланью путь изъ гроба!
Но, если сонъ не тихъ въ гробахъ,
Когда васъ голосъ мой встревожитъ,
Простите сыну — онъ не можетъ
Излить тоски своей въ слезахъ:
Нѣтъ больше слезъ въ его очахъ!
Онѣ изсякнули отъ зноя
Недуговъ сердца и страстей...
О мой родитель! для чего я
Нарушилъ миръ твоихъ костей?
Не ты ль виной? Могу ль спокойно
Исполнить строгій твой завѣтъ,
И мой торжественный обѣтъ
Теперь отвергнуть недостойно?
Ты предузналъ: — въ моей крови
Нѣтъ жара первыхъ впечатлѣній
Я самъ блуждаю въ мглѣ сомнѣній,
Я самъ — страшусь моей любви!
Что я найду? — Еще не знаю....
Но я бы, кажется, хотѣлъ,
Чтобы другой уже владѣлъ
Ея рукой — я ей прощаю!

Но если долго такъ она
Обѣту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
Я, на преступную главу,
Проклятій новыхъ не сзову,
Я раздѣлю мой жребій съ нею —
И скрою страшный твой завѣтъ!
Отецъ! ты тамъ, гдѣ больше нѣтъ
Борьбы и чувства и разсудка —
Быть можетъ, сына ты простишь —
И, чуждъ земнаго предразсудка,
Мой грустный бракъ благословишь!...»

Владиміръ смолкнулъ — и главою
На ближній крестъ поникнулъ онъ;
Уже вечернею зарею
Сіялъ румяный небосклонъ;
Все было тихо — но порою
По липѣ вѣтеръ пробѣгалъ,
И, внемля шорохъ зыбкой сѣни,
Невольно Борскій трепеталъ....
Ему казалось — волновалъ
Ее полетъ незримой тѣни!

ГЛАВА V.

Въ поляхъ и въ рощахъ тишина;
Примѣтно западъ потухаетъ,
И зелень радужно блистаетъ
Едва, едва озарена.
Накинувъ плащъ, въ широкомъ полѣ
Владимiръ скачетъ на конѣ
И борзый конь бѣжитъ по волѣ...
Огонь мелькаетъ въ сторонѣ —
Тамъ роща; Борскому знакома
Она издавна; въ рощѣ той
Онъ видитъ въ зелени густой,
Рядъ бѣлыхъ трубъ и кровлю дома,

И направляетъ бѣгъ коня
На свѣтъ блеснувшаго огня.
Ужъ Борскій тамъ, — съ коня онъ сходитъ
Къ оградѣ каменной подходитъ,
Онъ у воротъ уже стоитъ,
Но что-то вдругъ его страшитъ; —
Идти-ли? Нѣтъ-ли? Онъ въ сомнѣньи,
Онъ долго, долго въ размышленьи,
Вдругъ слышитъ шумъ — и видитъ онъ,
Дверь отворилась на балконъ.
Мелькнула тѣнь, за ней другая
Выходитъ, медленно ступая,
И вотъ — шаговъ ихъ звукъ затихъ,
И только шопотъ слышенъ ихъ:
«Садись; вечерняя прохлада
Пусть освѣжитъ тебя.»
«Я рада:
Мнѣ легче здѣсь, въ тѣни вѣтвей
Вздыхаетъ грудь моя вольнѣй...»

Владиміръ слышитъ — сердце сжато —
Знакомый голосъ онъ узналъ, —
Какъ этотъ голосъ волновалъ
Любовью грудь его когда-то?

Такъ! здѣсь Елена! съ нею — мать,
Ему ль обѣихъ не узнать!
Но сколько, сколько перемѣны
Въ печальномъ голосѣ Елены!
Встревоженъ Борскій — но впередъ
Въ тѣни украдкою идетъ,
Чуть переводитъ онъ дыханье,
Но вотъ нога его скользитъ,
И вдругъ послышалось стенанье:

ЕЛЕНА.

О Боже!

ЕЯ МАТЬ.

Что съ тобой? ты вдругъ
Затрепетала, застонала —
Ты не больна-ли, милый другъ?

ЕЛЕНА.

Онъ здѣсь!...

МАТЬ.

Кого ты увидала?

ЕЛЕНА.

Владиміръ! ты-ли?

МАТЬ.

Дочь моя,
Опомнись! — Нѣтъ, она не слышитъ,
Она дрожитъ, она чуть дышитъ —
Елена! другъ мой, это я!
Спокойся, что тебя тревожитъ?
Ночные призраки, быть можетъ...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ! это были не мечты!
Онъ здѣсь мелькнулъ, на мѣстѣ этомъ,
Гдѣ озаряются кусты
Изъ оконъ падающимъ свѣтомъ...

МАТЬ.

Мелькнулъ? — Но гдѣ жъ онъ? — кто здѣсь былъ?
Повѣрь мнѣ, призракъ ослѣпилъ
Твои блуждающія очи!
Тебя такъ часто онъ томилъ
При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи!

Недуга жаръ въ твоей груди,
Онъ грезы страшныя наводитъ
И ты... Но вотъ — луна восходитъ,
Кругомъ все пусто; — погляди!

ЕЛЕНА.

Да!.. пусто! — взоръ мой очарованъ
Былъ снова призракомъ ночнымъ —
Но я давно сдружилась съ нимъ,
Одной мечтой мой умъ окованъ —
Зачѣмъ страшиться мнѣ его?
То призракъ счастья моего!

МАТЬ.

И счастья этого довольно?
Желаній новыхъ ты чужда!
О, если бъ знала ты, какъ больно
Объ этомъ мыслить мнѣ всегда!
И тотъ, о комъ еще понынѣ
Тоскуешь столько — онъ въ чужбинѣ,
Онъ, можетъ быть, и свой обѣтъ
Забылъ давно....

ЕЛЕНА.

Владиміръ?... Нѣтъ
Повѣрь мнѣ, ты его не знаешь.

МАТЬ.

Ты сердцу слѣпо довѣряешь —
Но — доживи до позднихъ лѣтъ....

ЕЛЕНА.

Онъ измѣнилъ? О нѣтъ, измѣны
Я не страшусь!... Я знаю, онъ
Не разлюбилъ своей Елены!...
Моей любви невѣрный сонъ
Еще я помню, — помню живо
Его послѣдній разговоръ,
То голосъ сердца былъ нелживый,
И помню я — прощальный взоръ!
Тотъ взоръ — онъ высказалъ мнѣ ясно
Его тоску, его любовь,
И, въ мигъ разлуки, въ мигъ ужасной
Я ожила къ надеждѣ вновь!

МАТЬ.

Но вотъ ужъ минуло три года,
Владиміръ родину забылъ; —
Иноплеменнаго народа
Онъ край и нравы полюбилъ.
Онъ молодъ, онъ страстямъ послушенъ,
Смѣнились прежнія мечты,
Быть можетъ, онъ не равнодушенъ
Къ привѣту новой красоты....
Онъ измѣнилъ — другую любитъ,
И счастливъ.... да! — Зачѣмъ же губитъ
Тебя напрасная тоска?
Забудь его! Твоя рука
Опять свободна....

ЕЛЕНА.

Что поможетъ
Разсудкомъ страсти говорить?
Душа болѣть и плакать можетъ,
Она не можетъ разлюбить!
Смотри: вотъ перстень обручальной —
Я въ гробъ возьму его съ собой,
Хотя огонь свѣчи вѣнчальной,

И не блеснетъ надъ головой!
Пусть онъ забылъ любовь Елены,
Пускай въ объятіяхъ другой,
Пьетъ, усыпительной струей,
Отраву сладкую измѣны —
Я все прощаю! — Никогда
Моихъ упрековъ не услышитъ!
Пока горитъ моя звѣзда,
Покамѣстъ грудь больная дышитъ,
О немъ молиться буду я....
Когда онъ счастливъ — пусть узнаю —
Мой вѣкъ покойно я скончаю
И тѣнь утѣшится моя!....

Она замолкла, — но рыданье,
Неясный лепетъ и стенанье
Владиміръ слышитъ; — страшно онъ
Тоской Елены пораженъ!
Неизъяснимое волненье
Объемлетъ душу; сожалѣнье
Ему доступно — и любовь
Невольно въ грудь тѣснится вновь!
Елены горестному стону
Внимать не можетъ долѣ онъ —

Любовью, жалостью къ балкону
Насильно Борскій увлеченъ....
Онъ тамъ!... И голосомъ Елены
Его душа упоена,
Недугъ, сомнѣнье, страхъ измѣны
Забыто все; — теперь она,
Полуживая, безъ движенья,
Къ груди поникнула его —
И мать Елены на него
Глядитъ съ слезою умиленья!...

ГЛАВА VI.

Кто рано жизнью утомленъ,
Страстями жаркими измученъ,
Тотъ сердцемъ къ жизни охлажденъ
И съ тайной грустью неразлученъ;
Онъ долго ищетъ, гдѣ нибудь,
Душой усталой отдохнуть,
Ему все дико, чуждо станетъ,
Разлюбитъ онъ людей и свѣтъ
И онъ въ порѣ своей увянетъ,
Какъ въ ранній холодъ поздній цвѣтъ;
Но, если въ грудь его прольется
Вновь чувства свѣтлаго струя,

Въ душѣ родное отзовется, —
Онъ снова чувству предается —
И сердце дѣлъ его судья!
Таковъ Владимiръ: онъ обиженъ
Насильемъ рока своего,
И цѣлый свѣтъ въ глазахъ его
Обезображенъ и униженъ!
Послушный гордому уму,
Подъ грузомъ тяжкихъ подозрѣнiй,
Ужъ онъ не вѣрилъ никому,
Онъ мыслилъ: первыхъ заблужденiй
Лѣта прошли — и не придутъ;
Въ его душѣ не оживутъ
Восторги прежнихъ впечатлѣнiй....

Минули дни — и что жъ? Онъ сталъ
Опять поклонникомъ Елены;
Своей внезапной перемѣны
Владимiръ самъ не понималъ.
Но лаской нѣжной, простодушной,
Не смѣлъ, не могъ онъ пренебречь
И слушалъ онъ не равнодушно
Любовью дышущую рѣчь.
Когда Елена преклоняла

Къ его груди свое чело,
Душа страдальца оживала,
И было на сердцѣ свѣтло.
Еще недавней непогодой,
Его измученная грудь,
Теперь опять могла вздохнуть
Какой-то нѣгой и свободой. —
Какъ въ годы юности, пока
Плѣняетъ жизнь издалека,
И юный умъ ей слѣпо вѣритъ,
И сердце, въ дѣтской простотѣ,
Страстей пучины не измѣритъ,
Какъ вѣрилъ Борскій, въ годы тѣ,
Мечтамъ любви, земному счастью,
Теперь такъ вѣрить имъ не могъ,
Но, очарованъ прежней страстью,
Онъ позабылъ, онъ пренебрегъ
Недавнихъ опытовъ уроки —
И, если вдругъ припоминалъ
Отца послѣдніе упреки,
Внезапный холодъ обнималъ
Его трепещущіе члены,
Онъ вдругъ смущался, онъ молчалъ, —
Но мракъ сердечный разсѣвалъ,

Какъ лучъ небесный, взоръ Елены —
И жизни новая струя
Лилась въ воспрянувшую душу.
«О нѣтъ!» онъ мыслилъ, «не разрушу
Надеждъ плѣнительныхъ ея,
Она со мной! Она моя!
Ее отвергнуть — я не смѣю,
Я соединю мой жребій съ нею —
И будетъ небо мнѣ судья!»

ГЛАВА VII.

Вечернимъ сумракомъ объятой,
Цвѣтами убранъ сельскій храмъ;
Лампады блещутъ, блещетъ злато
По озареннымъ образамъ.
Кругомъ народъ; въ срединѣ храма
Блеститъ сквозь облакъ ѳиміама,
Покрытый бархатомъ, налой,
На немъ икона, крестъ святой,
Завѣтъ о подвигѣ Христовомъ,
Которымъ былъ утѣшенъ міръ,
Когда Апостолъ, мощнымъ словомъ,
Потрясъ язычества кумиръ.

Но тихо все, — безмолвенъ клиръ,
Кого-то ждутъ; — вдругъ стукъ и топотъ
У двери слышны, слышенъ звонъ —
«Идутъ! идутъ!» въ народѣ шопотъ,
Толпы тѣснятся съ двухъ сторонъ,
И вотъ — Владиміръ и Елена
Во храмъ торжественно вошли,
Склонили набожно колѣна,
И преклонились до земли,
Одной молитвой сердце полно,
И въ храмѣ все опять безмолвно....

О какъ спокойно и свѣтло
Невѣсты радостной чело!
Гадать о будущемъ не смѣетъ
Въ сей часъ торжественный она,
Душой молитвѣ предана;
И на нее, какъ будто вѣетъ,
Какой-то горней тишиной
Отъ лика Дѣвы Пресвятой.
Но сердце робко: въ самомъ счастьи
Легко тревожится оно —
И, часто, вдругъ возмущено
Какъ бы предчувствіемъ ненастья!

И взоръ Елены омраченъ
Порой невольною слезою —
Но это мигъ — и снова онъ
Блистаетъ радостью святою....
Такъ, на поверхности пруда,
Мутится влага иногда
Дождя внезапнаго паденьемъ, —
Но солнце взглянетъ — и она
Опять недвижна и ясна.

Что жъ Борскій? — Горестнымъ волненьемъ
Его душа возмущена,
Печально, тихо онъ подъемлетъ,
На ликъ Спасителя, свой взоръ,
Молиться хочетъ, но укоръ
Въ груди встревоженной не дремлетъ!
Во взорѣ благостномъ Христа,
Онъ приговоръ себѣ читаетъ....
Смутился — очи потупляетъ —
И нѣмы вновь его уста;
Опять объятъ онъ думой прежней,
Онъ вспомнилъ снова объ отцѣ,
И грудь волнуется мятежнѣй
И снова блѣдность на лицѣ, —

Его страшатъ чужіе взоры
И, въ этотъ мигъ, онъ бы хотѣлъ
Рѣшить свой горестный удѣлъ,
Бѣжать въ лѣса, въ глухія горы,
Гдѣ никогда не могъ бы онъ
Быть взоромъ чуждымъ возмущенъ,
Но поздно.... Въ ризы облеченный,
Священникъ входитъ, онъ готовъ
Торжествовать обрядъ священный,
И клиръ отгрянулъ съ двухъ концевъ —
И вотъ Еленѣ, полонъ страха,
Владиміръ руку подаетъ.
Онъ весь дрожитъ, какъ будто ждетъ
Его не бракъ — а стыдъ и плаха....

Вѣнцы блестятъ на головахъ,
Чело Елены просвѣтлѣло; —
Но что жъ Владиміръ? — Тотъ же страхъ
Въ его душѣ оледенѣлой!

Уже свершенъ святой обрядъ,
Звучнѣй и радостнѣе хоры,
И любопытнѣе слѣдятъ
Чету обвѣнчанную взоры:

Онъ наступилъ — тотъ сладкій часъ,
Когда любовникъ, какъ супругу,
Объемля прежнюю подругу,
Ее лобзаетъ въ первый разъ, —
И наконецъ Владиміръ клонитъ
Къ Еленѣ блѣдныя уста —
Но что съ нимъ? — вдругъ онъ глухо стонетъ,
Въ очахъ то блескъ, то темнота,
И взоръ болѣзненный и мрачной
Въ лице Елены устремленъ,
И поцѣлуемъ новобрачной
Онъ и встревоженъ и смущенъ....

БОРСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Leben ist der Liebe Spiel,
Tod der Liebe Weg zum Ziel,
Und ihr Knecht, das Schicksal, eint,
Was für immer ist vereint!

Werner.

БОРСКІЙ.

ГЛАВА I.

Озарена огнемъ заката,
Громада свѣтлыхъ облаковъ,
Стоитъ, сіяніемъ объята,
Какъ бы волшебная палата,
На дивномъ островѣ Духовъ.
Но мигъ одинъ очарованье!
Повѣютъ крылья вѣтерка,
Падетъ случайное созданье,
Какъ волны хлынутъ облака
И, безобразною грядою,
Онѣ ложатся надъ землею.
Такъ въ нашей жизни: призракъ тотъ,

Который сердце создаетъ,
Которымъ будущность свѣтлѣетъ,
Въ судьбѣ одинъ переворотъ,
Одно событіе разсѣетъ;
Исчезнетъ онъ — и снова мгла
Въ душѣ густѣе, чѣмъ была.

Когда судьба моей Елены
Была на вѣки рѣшена,
Какъ ни разлуки, ни измѣны
Ужъ не страшилася она,
Какъ нѣжнымъ именемъ супруга
Она Владиміра звала,
Зачѣмъ въ душѣ ея была
Тревога тайнаго недуга?
Зачѣмъ его холодный взоръ
Она съ боязнію встрѣчала,
Блѣднѣла вдругъ и прерывала
Едва начатый разговоръ?
Зачѣмъ? — Но кто не разгадаетъ
Ея тоски и смутныхъ думъ,
Какая мысль тревожный умъ,
При взглядѣ Борскаго смущаетъ?
Какъ вѣстникъ горя, страшный сонъ,

Въ ея душѣ многострадальной,
Тотъ мигъ надолго сохраненъ,
Какъ озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Ея супругъ, у алтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И принялъ, блѣдный и безмолвный,
Обѣты теплые ея.

Елена робкая страшилась
Глядѣть съ довѣренностью вдаль,
И сердца прежняя печаль
Печалью новой замѣнилась.
Минутной радости слѣды
Какой-то сумракъ вновь одѣялъ,
И духъ враждующій развѣялъ
Созданье свѣтлое мечты.
Еще Еленѣ тайной было,
Что сердце Борскаго томило,
Но тѣмъ печальнѣй, тѣмъ страшнѣй
Казалась тайна эта ей.
Она мечтала: ей грозила
Въ грядущемъ буря не одна,
И съ тихимъ трепетомъ она
Въ обитель Борскаго вступила.

Никто не встрѣтилъ у воротъ
Елену кликами веселья,
И грустенъ былъ ея приходъ,
Безъ шумныхъ празднествъ новоселья.
Владимiръ долго отдохнуть
Не могъ отъ тайнаго волненья —
Страшился онъ, чтобъ кто-нибудь
Свидѣтель былъ его смущенья,
И, въ часъ вечернiй, отъ вѣнца
Онъ ввелъ безмолвную Елену
Въ свой домъ, въ наслѣдiе отца, —
И что жъ? Какую перемѣну
Увидѣлъ въ ней? какая мгла
Чело печальное одѣла?
Елена болѣе не смѣла,
Елена болѣ не могла,
Со всею преданностью друга,
Ласкать желаннаго супруга,
Къ нему довѣрчиво на грудь
Устами робкими прильнуть.

Супруги тихую кручину
Владимiръ видѣлъ; темный умъ
Слѣдилъ сокрытую причину

Ея смятенія и дум.
Но все загадкой оставалось,
Часы тянулися въ тиши
И подозрительной души
Сомнѣніе не разрѣшалось,
И часто мрачнымъ грезамъ онъ
Душой мучительно былъ преданъ,
Какъ бы не жизнь, а страшный сонъ
Ему былъ свыше заповѣданъ!
Елену часто онъ смущалъ
Суровымъ взглядомъ подозрѣнья,
Какъ бы примѣты преступленья,
Онъ на челѣ ея читалъ —
И оскорбительное слово
Сорваться съ устъ его готово —
Но вдругъ уста заграждены,
И взоръ потупленъ боязливо,
Въ смятенномъ сердцѣ было живо
Сознанье собственной вины....

Такъ дни проходятъ; — въ грусти прежней
Елена тратитъ дни свои,
Елена любитъ безнадежнѣй,
Тая порывъ своей любви.

Ее страшитъ судьба супруга,
Елена видитъ: съ каждымъ днемъ
Сильнѣй и тягостнѣе въ немъ
Тоска сердечнаго недуга;
И сердце вѣщее порой
Ей робко шепчетъ: день настанетъ,
Сгустится тучь нависшихъ рой
И буря гибельная грянетъ!
Такъ бѣдный странникъ иногда,
Въ странѣ гористой и безлюдной,
Не видя признаковъ слѣда
И путь прокладывая трудной,
Съ невольнымъ страхомъ бури ждетъ,
Какъ вихря горнаго полетъ
Свиститъ, несетъ ночныя тучи
И, надъ поверхностью земли,
Взовьется съ шумомъ прахъ летучій
И каркнутъ вороны вдали.

ГЛАВА II.

В раздумьи горестном, Елена
Сидит уныло под окном,
Ей виден Днепр: седая пена
Летучим блещет серебром,
И усладительному шуму
Она внимает, — прежних дней
Давно-утраченную думу
Знакомый шум наводит ей.
Пред ней блестит, как в прежни годы,
Природы светлая краса
И так же ясны небеса
И так же тихо льются воды,

Но въ нихъ давнишней красоты
Елены взоры не находятъ,
Какой-то мракъ на все наводятъ
Ея печальныя мечты;
Тогда все краше и свѣтлѣе
И радостнѣй казалось ей; —
А нынѣ?... Грусть ея сильнѣе,
И слезы каплютъ изъ очей.
Вдругъ — входитъ Борскій...

ВЛАДИМІРЪ.

Что съ тобою?
Ты плачешь?

ЕЛЕНА.

Я?...

ВЛАДИМІРЪ.

Въ твоихъ глазахъ
Остатки слезъ....

ЕЛЕНА.

И я не скрою
Причины ихъ. О прошлыхъ дняхъ,

О дняхъ счастливыхъ я мечтала.
Когда впервые повстрѣчала
Тебя на этихъ берегахъ...

ВЛАДИМІРЪ.

О чемъ же плакать?

ЕЛЕНА.

Слезъ не трачу
Я какъ дитя. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ,
Не о пустой мечтѣ я плачу!
Я знаю, намъ минувшихъ лѣтъ
Не воротить. Меня тревожитъ
Иная мысль; — и день и ночь
Ее душа забыть не можетъ,
Ее не въ силѣ превозмочь!

ВЛАДИМІРЪ.

Ты часто плакала украдкой
И слезъ примѣты видѣлъ я,
Но признаюсь — тоска твоя
Была мнѣ странною загадкой...

ЕЛЕНА.

Владимiръ, не вини меня!
Причину горести храня,
Я втайнѣ болѣе страдала,
Но я щадила твой покой;
И этой мыслiю одной
Себя въ печали утѣшала.
Прости мнѣ! Скрыть мои мечты
Могла бъ я, можетъ быть, и долѣ,
Но ихъ узнать желаешь ты,
И я твоей покорна волѣ.
Мой другъ, садись, дай руку мнѣ,
Взгляни въ окно — ты видишь поле
И эту рощу въ сторонѣ —
Владимiръ, помнишь — время было,
Въ ея прохладѣ и тѣни
Текли, такъ плавно, наши дни!
Бывало — думою унылой
Твой умъ внезапно возмущенъ, —
Но ты подѣлишься со мною,
Своимъ раздумьемъ и тоскою,
И грусть исчезнетъ — будто сонъ....
Какимъ огнемъ живымъ и яркимъ

Твой взоръ свѣтился иногда —
Ты жегъ меня дыханьемъ жаркимъ
И клялся ты, что никогда
Мнѣ грусть твоя не будетъ тайной,
Что дума каждая твоя
Не будетъ . . .

ВЛАДИМІРЪ.

Можетъ быть случайно
И не сдержалъ той клятвы я.

ЕЛЕНА.

Случайно! — Нѣтъ, не случай былъ!
Ты обманулъ меня жестоко —
Ты тайну страшную глубоко
Въ своей груди похоронилъ.
Но я прочла твое страданье
Въ очахъ задумчивыхъ твоихъ:
И вотъ о чемъ мое стенанье!
И вотъ причина слезъ моихъ!
О милый другъ! изъ сожалѣнья
Мое сомнѣнье разрѣши,
Моей измученной души
Не доведи до изступленья!

Я знаю, твердо вѣрю я,
Что никогда рука твоя
Не совершила преступленья,
Но, какъ преступникъ, ты порой
Суровъ и робокъ предо мной.
Скажи же, что въ душѣ ты кроешь,
Какою мыслью ты томимъ?
Повѣрь, сознаніемъ своимъ
Моихъ страданій не удвоишь —
Они ужъ полны! — Ты молчишь!
Потупилъ взоръ? — И такъ услышь
Твою всю тайну — я проникла...

(Владиміръ вздрогнулъ.)

Мнѣ она
Твоимъ смущеньемъ внушена,
И я къ ней мыслію привыкла....
Владиміръ, вспомни — ты не разъ
О Римѣ начиналъ разсказъ,
Съ какимъ-то чуднымъ вдохновеньемъ
Ты мнѣ описывалъ его —
И я неслась воображеньемъ
Подъ небо Рима твоего; —
Ты говорилъ: тамъ солнце ярче,
Тамъ скоро не хладѣетъ кровь,

И страсти тамъ полнѣй и жарче,
И необъятнѣе любовь.
Ахъ, я проникла, ты недаромъ
Съ такимъ волненіемъ и жаромъ
О дальнемъ Римѣ говорилъ:
Ты тамъ любилъ! Мнѣ это ясно.
Къ чему же, съ сердцемъ несогласной
Обѣтъ, мнѣ данный, сохранилъ?
Прошу, молю я, молви слово —
Зачѣмъ таиться? назови
Мою соперницу въ любви,
Собой я жертвовать готова!
Я отрекаюсь отъ тебя!
Я возвращу тебѣ веселье,
Себя, живую, погребя
Въ какой нибудь пустынной кельѣ!
А ты — бѣги, бѣги туда,
Гдѣ ты найдешь свою потерю —
Въ своей Италіи, я вѣрю,
Меня забудешь — навсегда! . . .

Владиміръ всталъ — не сожалѣнье,
Нѣтъ, гнѣвъ въ очахъ его горитъ,
Ни слова онъ, но грудь кипитъ,

Но въ мысляхъ страшное смущенье!
И вотъ рванулъ онъ разомъ дверь
И вышелъ. — Онъ одинъ теперь,
Онъ мыслитъ: «въ чемъ еще сомнѣнье?
Я ей наскучилъ — мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстію позорной
Давно душа ея горитъ!
Но мыслитъ: мужа усыпитъ
Она любовію притворной...
Да, это вѣрно! Мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала — та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня...
Ошиблась! — Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной —
Еще открытіе одно —
И пусть я гибну — все равно, —
Я не щажу неблагодарной!...»

ГЛАВА III.

День угаснулъ; потемнѣли
Воды, рощи и поля,
Какъ младенецъ въ колыбели,
Спитъ усталая земля,
Сонъ ея благоговѣйно
Добрый Генiй сторожитъ;
Все такъ мирно, — все молчитъ —
Только вѣтеръ тиховѣйной,
Въ часъ, какъ дремлютъ долъ и садъ,
Розмаринной и лилейной
Переноситъ ароматъ.

Вотъ и онъ — красавецъ ночи,
Мѣсяцъ, по небу взошелъ,
И на спящую навелъ
Онъ серебряныя очи.
Рѣже сумракъ, свѣтъ яснѣй,
И, какъ будто изъ лучей,
Вдругъ соткалось покрывало —
И на грудь земли упало...

О мѣсяцъ, мѣсяцъ! сколько разъ
Ты въ небѣ весело сіяешь,
Но какъ ты мало свѣтлыхъ глазъ,
Какъ много слезъ ты озаряешь!
Тебя не тотъ съ тоскою ждетъ,
Кто не извѣдалъ съ рокомъ битвы,
Кто благодарныя молитвы
За день свой ночью воздаетъ,
Но отъ восхода до заката
Тотъ глазъ не сводитъ отъ тебя,
Чья жизнь утратами богата,
Кто часто плачетъ про себя; —
О мѣсяцъ ясный, мѣсяцъ полный!
Не слезъ однѣхъ свидѣтель ты —
Какъ часто, съ темной высоты,

Ты зритель ужасовъ безмолвный!
Не разъ въ лучахъ твоихъ блисталъ
Въ крови дымящійся кинжалъ!
О если бъ могъ ты въ эту пору
Потухнуть въ сумракѣ ночномъ,
Налиться кровью — и пятномъ,
Убійцы трепетному взору,
Казаться въ небѣ голубомъ!
Пускай бы зналъ ночной губитель,
Что есть свидѣтель темныхъ дѣлъ,
Что на него съ небесъ глядѣлъ
Неотразимый обвинитель!
Но это сонъ!... Быть можетъ вновь,
И въ эту ночь польется кровь,
Но также ясный, также хладный
И сталь и кровь освѣтишь ты
И на убійцу съ высоты
Уронишь лучъ равно отрадный....

Елена спитъ; ея супругъ
Безъ сна, встревоженный на ложѣ;
Ревнивый взоръ его и слухъ
Всю ночь какъ будто на сторожѣ.
Чего онъ ждетъ? Не знаетъ самъ —

Но душу мучитъ подозрѣнье;
Бѣдою всюду, здѣсь и тамъ
Ему грозитъ воображенье; —
И Борскій правъ. — Въ тотъ вечеръ онъ
Замѣтилъ странное смущенье
Въ Еленѣ; долго устремленъ
Былъ взоръ ея на мѣсяцъ полный,
Когда онъ шелъ изъ-за Днѣпра
И сыпалъ искры серебра
На отуманенныя волны;
Казалось — въ тягость было ей
Сіянье мѣсячныхъ лучей,
Она горѣла и блѣднѣла,
И озиралася вокругъ,
И на Владиміра глядѣла
Съ какимъ-то страхомъ. Лунный кругъ
Ужъ былъ высоко въ небѣ темномъ,
Когда забылась сномъ она —
Но сонъ не тихъ — сохранена
Въ лицѣ измученномъ и томномъ
Печать тоски, — дрожатъ уста,
Дыханье трепетно и знойно
И сердце бьется безпокойно....
Ахъ! видно страшная мечта

Ее тревожитъ: — да! ей снится,
Что сумракъ вечера ложится
На Днѣпръ и рощу — и она
Проходитъ въ рощѣ той одна;
Вдругъ слышитъ голосъ — «онъ! о Боже!
Владимiръ здѣсь! но это кто же?
Она! такъ точно! узнаю
Я въ ней соперницу мою!...»
И вотъ съ отчаяньемъ къ супругу
Елена бросилась — но онъ,
Внезапнымъ гнѣвомъ распаленъ,
Ея отталкиваетъ руку
И удаляется. —
Луна
Изъ раствореннаго окна
Теперь блеснула, — свѣтъ бродящiй
Упалъ на грудь Елены спящей —
И что же? — вдругъ встаетъ она,
Какъ призракъ, въ сумракѣ проходитъ,
И тихо стала у окна.
Все видитъ Борскiй — онъ не сводитъ
Съ нее дозорливыхъ очей,
Онъ притаился, онъ чуть дышитъ.
Вотъ слышитъ шопотъ — и яснѣй

Потомъ Елены голосъ слышитъ:
«Мой другъ! постой! постой! побудь
Со мной еще одно мгновенье!
Позволь прижать уста и грудь
Въ послѣдній разъ! — Мое моленье
Ты отвергаешь — ты молчишь!
Жестокій! Стой! Куда бѣжишь?
Я за тобой готова всюду,
Какая бъ ни была страна,
Пусть тамъ и я съ тобою буду!...»
И вотъ къ дверямъ бѣжитъ она,
Ключъ щелкнулъ — двери заскрипѣли;
Но, въ иступленьи, вдругъ съ постели
Вскочилъ Владиміръ, — засіялъ
При свѣтѣ мѣсяца кинжалъ
Надъ нимъ висящій — на супругу
Какъ молнья, взоръ его сверкнулъ
И нерѣшительную руку
Какой-то демонъ подстрекнулъ. —
«Стой! грянулъ голосъ — стой! не далѣ!»
И вдругъ блеснуло лезвее,
И кровь Елены на кинжалѣ —
И рана въ сердцѣ у нее!

Но что жъ Владиміръ? Изступленный
Онъ далѣ въ бѣшенствѣ бѣжитъ;
Кинжалъ трепещетъ и блеститъ
Въ рукѣ, луною озаренный; —
Нѣтъ жертвы болѣ! — Все кругомъ
Объято крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. —
Владиміръ сталъ — блуждаютъ очи —
Не сонъ ли это! мыслитъ онъ
И близъ себя, въ молчаньи ночи,
Болѣзненный онъ слышитъ стонъ....
«Елена!» Нѣтъ! воззванье тщетно!
Ее объемлетъ смертный хладъ,
И на убійцу мутный взглядъ
Она возводитъ безотвѣтно; —
Ей мигъ одинъ страдать и жить,
Но отъ супруга хочетъ скрыть
Одолѣвающую муку,
Насильно хочетъ приподнять
Почти безчувственную руку,
Чтобъ рану жгучую зажать.
Напрасно! — Снова опустилась
Рука на землю тяжело, —
Блѣднѣетъ видимо чело,
И грудь болѣзненно стѣснилась....

*

А онъ? Убійца! онъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ, —
Въ его рукѣ окровавленной
Рука Елены — но она
Уже недвижна, холодна,
И костенѣетъ постепенно....

ГЛАВА IV.

Есть ветхій домикъ надъ Днѣпромъ,
Онъ съ дѣтства Борскому знакомъ,
И въ немъ живетъ еще понынѣ
Священникъ сельскій; — дряхлъ и сѣдъ,
Вдали волненій и суетъ,
Ведетъ онъ дни съ своей пустынѣ,
И часто молится въ тиши
Онъ о спасеніи души. —
Такъ и теперь: — передъ иконой,
Лампадой тусклой озаренъ,
Въ молчаньи ночи молитъ онъ,
Чтобы святою обороной

Ему Пречистая была,
Чтобъ сонъ на очи навела
И отъ лукавыхъ навожденій
И мысль и сердце берегла.
Молитву кончилъ, — размышленій
Еще святыхъ онъ полонъ — вдругъ
Въ дверяхъ внезапный шумъ и стукъ:
«Вотъ кто-то въ горнія отходитъ» —
Помыслилъ старецъ — и возводитъ
Невольно къ небу грустный взоръ,
Но между тѣмъ гремитъ затворъ,
Дверь растворилась — и кого же
Передъ собой онъ видитъ?
«Боже!
Владиміръ!»
Такъ! предъ нимъ стоялъ
Убійца самъ! Окровавленный, —
Полунагой, въ рукѣ кинжалъ. —
Съ лампадой старецъ изумленный
Къ нему ....

БОРСКІЙ.

Прочь! прочь! Не подходи
Ко мнѣ такъ близко! отведи

Несносный свѣтъ — пускай на очи
Падетъ весь мракъ, весь ужасъ ночи,
Я ихъ ищу. —

СВЯЩЕННИКЪ.

Но для чего
Ко мнѣ пришелъ ты?

БОРСКІЙ.

Одного
Хочу теперь: молись со мною!
Смотри — вотъ кровь! Моей рукою
Она пролита ....

СВЯЩЕННИКЪ.

Кровь! О чьей
Душѣ молиться?...

БОРСКІЙ.

О моей!
Нѣтъ! прежде помолись — объ ней!
Она одна всему виною,
Она....

СВЯЩЕННИКЪ.

Но кто?

БОРСКІЙ.

Кто! это кровь
Той, за которую любовь
Отца утратилъ я....

СВЯЩЕННИКЪ.

Елена?

БОРСКІЙ.

Ты знаешь все! Теперь молчи —
Я самъ скажу: ея измѣна
Ужасна! — Слушай: вдругъ въ ночи
Встаетъ она — къ окну подходитъ
И тихо съ кѣмъ-то рѣчь заводитъ —
И вотъ я слышу: «другъ! постой —
Куда бѣжишь? — Я за тобой!»
Сказала — въ это же мгновенье
Она въ дверяхъ.... Но гнѣвъ и мщенье
Во мнѣ кипятъ и....

СВЯЩЕННИКЪ.

Своего
Врага ты видѣлъ?...

БОРСКІЙ.

Никого!
Искалъ я всюду — но напрасно —
Она погибла — но его
Я не видалъ....

СВЯЩЕННИКЪ.

Теперь все ясно!
Ты обманулъ себя ужасно!
Владиміръ! О когда бъ я зналъ,
Я бъ этой тайны не скрывалъ!

БОРСКІЙ.

Мнѣ тайнъ твоихъ не нужно болѣ!
Измѣна! кровь! вся тайна тутъ —
И вотъ свершенъ небесный судъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Нѣтъ! въ заблужденьи этомъ долѣ
Не будешь ты — твоя жена
Невинна! Знай: — была она —
Лунатикъ и....

БОРСКІЙ.

Лунатикъ!...

СВЯЩЕННИКЪ.

Знаю —
Ударъ жестокій довершаю —
Но я не лгу — свидѣтель Богъ!...

И слышать болѣе не могъ
Уже Владиміръ; — тщетно кличетъ
Его священникъ; разомъ онъ
Забвеньемъ страшнымъ пораженъ,
Которымъ съ жизнью смерть граничитъ....
Очнулся снова — но въ умѣ,
Какъ путники въ незапной тьмѣ,
Блуждаютъ мысли; онъ не знаетъ,
Что съ нимъ сбылося; будто сонъ

На память все приводитъ онъ —
И все злодѣя убѣждаетъ
Въ его винѣ!... И вотъ кинжалъ
Въ рукѣ надъ грудью заблисталъ —
Вдругъ опустилъ онъ снова руку. —
«Нѣтъ! Нѣтъ! воскликнулъ, жизнь на муку
Я сохраню! я долженъ жить!
Я буду жить!... Мою супругу
Въ своихъ молитвахъ помяни
Святой отецъ, — похорони
Ее въ той рощѣ». —
Какъ безумной
Тутъ Борскій въ двери — и бѣжитъ, —
Священникъ вслѣдъ ему глядитъ,
И вотъ, при свѣтѣ ночи лунной,
Онъ видитъ — Борскій по полямъ
Бѣжитъ.... куда?... Не знаетъ самъ!
Вотъ на горѣ, — съ горы спустился,
Мелькнулъ — опять — еще — и скрылся....

ГЛАВА V.

На волю бурь осеннихъ преданъ,
Дряхлѣетъ Борскихъ древній домъ,
И входъ какъ будто заповѣданъ,
И глухо все и мрачно въ немъ.
Какой-то страхъ оттуда вѣетъ,
Играть вокругъ дитя не смѣетъ,
И поздно вечеромъ, одинъ,
Его обходитъ селянинъ.
И есть могила въ рощѣ темной,
Надъ нею крестъ и дубъ огромной,
Нависнувъ, сумраченъ стоитъ
И прахъ Елены сторожитъ.
. . . .

Минула осень; хладъ и сонъ
Сковали Днѣпръ; недавно синій,
Сѣрѣетъ въ тучахъ небосклонъ,
И на деревьяхъ брезжетъ иней.
Какъ тихо въ рощѣ! пустота
Вокругъ могилы одинокой,
И снѣгъ занесъ ее глубокой
До перекладины креста;
И тамъ давно никто не встрѣченъ;
Изъ-за Днѣпра прохожихъ нѣтъ;
Но отъ чего-же свѣжій слѣдъ
Тамъ утро каждое замѣченъ?
Кто ночью былъ? Зачѣмъ? — про то
Въ селѣ не вѣдаетъ никто.

Но вотъ однажды, въ тучахъ снѣжныхъ
Мятель и вьюгу нанесло,
Нагую рощу, съ горъ прибрежныхъ,
Глубоко снѣгомъ замело.
Въ глухую полночь это было —
И съ той поры вдоль береговъ,
Ни межъ деревъ, ни надъ могилой
Ужъ новыхъ не было слѣдовъ.

И, какъ на холмы и дубровы,
Весенній вѣтеръ началъ дуть,
И Днѣпръ опять, возвысилъ грудь,
И разорвалъ свои оковы,
Случайно путники нашли,
Вблизи Елениной могилы,
Замерзшій трупъ; собравши силы,
Руками снѣгъ они сгребли,
И трупъ отрыли, — трудъ напрасный:
Не оживетъ уже несчастный!
И безобразятъ мертвеца
Примѣты страшнаго конца!
О какъ ужасна перемѣна!
Узнать нельзя его въ лицо,
Но вотъ рука — на ней кольцо,
А на кольцѣ слова: Елена....

НИЩІЙ.

Occhi piangete, accompagnate il core.

Petrarca.

НИЩІЙ.

Далеко родина моя!
Ее давно покинулъ я —
Давно!... но душу старика
Томитъ по родинѣ тоска!
О если бъ мнѣ, когда нибудь,
Опять на милую взглянуть!
Другой земли ей равной нѣтъ!
Тамъ чуденъ неба синій цвѣтъ,
Въ лимонныхъ рощахъ, круглый годъ,
Душиста зелень, зрѣетъ плодъ,
Дворцы роскошные въ садахъ;

Хранятся свято въ тѣхъ дворцахъ
Рѣзца и кисти образцы;
Давно угасли и́хъ творцы,
Но вѣчно-юный геній ихъ
Оттуда вѣетъ на живыхъ,
И вдохновеньемъ ихъ дыша,
Горитъ художника душа!

И въ той далекой сторонѣ
Могилы есть, родныя мнѣ;
Близъ нихъ и я, когда бы могъ,
Легко бъ на вѣчный отдыхъ легъ;
Но для меня тотъ чудный край,
Закрытъ, какъ и небесный рай,
И даже плакать я о немъ
Не смѣю въ сиротствѣ моемъ!
Вездѣ тоскующая тѣнь
Слѣдитъ за мной и ночь и день; —
Въ дыханьи вѣтра, въ шумѣ водъ,
Она мнѣ голосъ подаетъ —
И слышу я: «Куда? куда?...
Забудь отчизну навсегда!
Не донести тебѣ костей
Къ холмамъ Италіи твоей!

И, безъимянно, самый прахъ
Потонетъ въ Сѣверныхъ снѣгахъ!»...

Такъ! я заранѣ узнаю
Судьбу грядущую мою!
И я бы снова, можетъ быть,
Хотѣлъ отчизну разлюбить; —
Но, какъ по вольности, о ней
Тоска живетъ въ груди моей!
Съ какою жадностью, съ какимъ
Участьемъ нѣжнымъ и живымъ,
Порой прислушиваюсь я
Къ вечерней пѣсни соловья:
Пѣвецъ весны поетъ и мнѣ
О милой, дальней сторонѣ,
И этой пѣсни каждый звукъ
Душѣ давно-знакомый другъ!
И, мнится, вновь наводитъ онъ
На душу сладкій, сладкій сонъ
О прошлыхъ дняхъ, когда я жилъ —
Когда мечталъ, — когда любилъ!...

Любилъ!... Зачѣмъ я утаю
Любовь печальную мою?...

Аньола! незабвенный звукъ!
Какъ много думъ, какъ много мукъ
Вновь въ сердцѣ вспыхнуло моемъ
При этомъ имени одномъ!
О еслибъ я его забылъ!
Зачѣмъ въ остаткѣ бѣдныхъ силъ
Утратя все, чѣмъ жизнь была
И мнѣ, когда-то, такъ свѣтла,
Не могъ и памяти о ней
Утратить я въ душѣ моей!
О чемъ молю?... до этихъ поръ,
Моимъ годамъ наперекоръ,
Какъ отголосокъ прежнихъ дней,
Волшебный звукъ въ груди моей
Еще трепещетъ и живетъ,
И только съ сердцемъ онъ умретъ!

Какъ я любилъ! — казалось мнѣ,
Тогда я чувствовалъ вдвойнѣ
Всю прелесть жизни, — я постигъ
Какъ Тотъ въ твореніи великъ,
Кто цѣпью вѣчною любви
Сковалъ созданія свои!
И все вокругъ, казалось мнѣ,

Кипѣло въ блескѣ и огнѣ
Любви и вѣчной и святой,
И цѣлый міръ, передо мной,
Какъ бы созданье чудныхъ сновъ,
Облекся въ радужный покровъ;
И сердце мнѣ давало вѣсть,
Что въ этомъ стройномъ мірѣ есть,
Есть сердце полное огня
Любви живой и для меня,
И, что въ цѣпи существъ, оно
Необходимое звѣно!

Тотъ бѣденъ, бѣденъ на земли,
Чьи дни безъ думъ любви текли!
Кто къ людямъ холодомъ дыша,
Не могъ постигнуть, какъ душа
Роднится съ близкою душой,
Тотъ между братьями — чужой!
Съ презрѣньемъ горькимъ ко всему,
Онъ покорилъ себя уму,
И первой страсти пылкій сонъ
Мечтою дѣтской назвалъ онъ.
Порывы сердца заглуша,
Его надменная душа

Въ самой себѣ погребена,
И недоступна и темна:
Такъ, въ Африкѣ, среди степей,
Стоитъ печальный мавзолей
И подъ собой, свою же тѣнь,
Безплодно кроетъ въ жаркій день.

Подъ небомъ пламеннымъ рожденъ,
Я не таковъ! Нѣтъ! охлажденъ
Заранѣ къ людямъ не былъ я;
Всѣ впечатлѣнья бытія
Я принялъ жадно, — и любовь
Мнѣ волновала мысль и кровь,
И грѣла грудь мою она,
Какъ землю ранняя весна,
И, какъ весенніе цвѣты,
Рождались новыя мечты
О всемъ прекрасномъ, о святомъ
Въ умѣ взволнованномъ моемъ.
Я говорилъ: ее намъ Богъ,
Благъ нашихъ будущихъ въ залогъ,
Еще въ сей жизни даровалъ,
Чтобъ человѣкъ заранѣ зналъ,

Какъ щедро въ вѣчномъ будетъ онъ
За мигъ страданій награжденъ!

Видали ль вы, когда дитя,
Цвѣтокъ на волны опустя,
Съ безпечной радостью глядитъ,
Какъ онъ трепещетъ и скользитъ?
Но, если влагой напоенъ,
На дно внезапно канетъ онъ,
Его малюткѣ станетъ жаль,
И сердца дѣтскаго печаль
Не облегчитъ незрѣлый умъ:
Онъ слышитъ волнъ досадный шумъ,
Онъ ихъ задумчиво слѣдитъ —
И долго грустенъ онъ стоитъ;
Вотъ образъ мой! Мечты мои,
Надежды мира и любви,
Я безразсудно предалъ самъ
На волю гибельнымъ страстямъ,
И необузданный потокъ
Невозвратимо ихъ увлекъ!...

Однажды въ праздникъ, помню я,
Подъ тѣнь каштана, у ручья,

Сошлись плясать. И тамъ была
Моя Аньола. Весела,
Свѣжа какъ утро, какъ весна,
И улыбалась мнѣ она,
И взглядъ ея меня искалъ,
И голосъ лаской мнѣ звучалъ...
Утомлена, ко мнѣ на грудь
Она поникла; я дохнуть
Не смѣлъ; не могъ отвесть отъ ней
Я очарованныхъ очей —
И вдругъ руки моей слегка
Коснулась жаркая рука,
Я вспыхнулъ — къ пламеннымъ устамъ
Прижалъ ее, — не помнилъ самъ,
Что дѣлалъ я, кипѣла кровь —
И я ей высказалъ любовь!

Но между тѣмъ, изумлена,
Глядѣла въ очи мнѣ она,
Какъ будто въ грудь ей не проникъ
Любви мучительный языкъ!
Я ждалъ отвѣта... но безъ словъ
Она ушла; — я былъ готовъ
За нею вслѣдъ: у милыхъ ногъ,

Хоть слово бъ вымолвить я могъ, —
Но, какъ мечта, въ толпѣ густой
Аньола скрылась... я съ тоской
На грудь стѣсненную поникъ. —
О какъ я помню этотъ мигъ!
Какъ мертвый блѣденъ я стоялъ,
И скрытый стыдъ во мнѣ пылалъ,
Но понялъ я, какую власть
Взяла надъ сердцемъ эта страсть,
И съ этой страстью, видитъ Богъ,
Хотѣлъ бороться и не могъ!

Съ тѣхъ поръ задумчивъ и унылъ,
Отъ всѣхъ глубоко я таилъ
Мою любовь; никто не зналъ,
О чемъ я втайнѣ тосковалъ;
Бѣжалъ всего, родныхъ, друзей,
И часто, въ сумракѣ ночей,
Тревоги полный, чуждый сну,
Одинъ всходилъ на крутизну;
Не разъ, объятый темнотой,
Гранитъ срывался предо мной,
Но неподвижно я стоялъ,
Какъ бы прикованный у скалъ.

Мнѣ смерть казалась не страшна;
Въ душѣ была мечта одна:
Аньолы имя вторилъ я
И былъ утѣшенъ какъ дитя,
Коль отголосокъ дальнихъ скалъ
Мнѣ милый звукъ передавалъ.

Кто знаетъ пламенную страсть,
Кто надъ собой извѣдалъ власть
Улыбки, взгляда и рѣчей,
Но скрылъ тоску любви своей,
И никогда у милыхъ ногъ
Отрадныхъ слезъ пролить не могъ,
Тотъ много думъ моихъ постигъ —
Но ихъ не выразитъ языкъ!
Тѣснятъ и мучатъ грудь онѣ,
Какъ слезы мрачныя во снѣ;
Въ слезахъ молилъ напрасно я
Отрады грустной забытья,
Въ заботахъ жизни, въ тишинѣ,
Не могъ забыться я вполнѣ;
Неотразимо надо мной
Носился образъ дорогой —

Когдажъ на мигъ онъ исчезалъ,
Безумно самъ его я звалъ!

Но, какъ луны осенней лучъ
Падетъ порою изъ за тучъ,
Скалы и льдины серебритъ,
И въ пропасть темную скользитъ:
Такъ заронялась иногда
Надежды вкрадчивой мечта
Въ мою тоскующую грудь.
Хотѣлъ я сердце обмануть
И мыслилъ: дѣтская душа,
Любовью къ вольности дыша,
Любви иной не поняла —
Еще безпечность ей мила;
Но будетъ время — можетъ быть
Въ ней можно чувство пробудить....
Но, какъ луны скользящій лучъ
Мгновенно гаснетъ въ лонѣ тучъ,
Такъ навсегда, въ послѣдній разъ,
Надежды лучъ во мнѣ погасъ....

Блѣднѣло небо; тѣнь легла
Полупрозрачна и тепла,

И было душно между скалъ:
Какой-то зной отъ нихъ дышалъ.
Но межъ разсѣлистыхъ громадъ,
Гремитъ и блещетъ водопадъ,
Въ пещерѣ сумрачной рожденъ,
И въ жаръ прохладой вѣетъ онъ;
Ему внималъ съ утеса я,
Свѣжо дышала грудь моя,
И не смущали темныхъ думъ
Однообразный гулъ и шумъ,
Тускнѣя, гаснулъ отблескъ дня.
Вдругъ тихій шорохъ близъ меня —
Гляжу и что жъ? Не сонъ ли? Нѣтъ!
Она! Аньола! Слабый свѣтъ
На ней едва, едва мелькалъ —
Но я ль Аньолы не узналъ?

И, какъ мертвецъ подъ властью чаръ,
Воспрянулъ я; и страхъ и жаръ
Текли по членамъ; я.... но вдругъ
Я поцѣлуя слышу звукъ....
Склонившись къ ней, рука съ рукой,
Вблизи стоялъ соперникъ мой....
О! Страшно вспомнить и теперь,

Дрожа, подкрался я какъ звѣрь,
Но долго выдержать не могъ —
Всей злостью ревности жестокъ,
И вспыхнувъ местію слѣпой,
Предъ изумленною четой
Явился я.... Горящій взглядъ
Окинулъ скалы, водопадъ,
И, какъ безсильное дитя,
Врага внезапно обхватя,
Прижалъ къ груди — и со скалы
Его я бросилъ въ бездну мглы!

И нѣтъ его! затихнулъ гулъ;
Я въ пропасть мрачную взглянулъ,
Во мглѣ не видно ничего!
Но вдругъ до слуха моего
Доходитъ крикъ.... онъ мнѣ знакомъ!
То голосъ брата! — Если бъ громъ
Съ небесъ разгнѣванныхъ упалъ,
И подъ развалинами скалъ
Братоубійцу онъ погребъ, —
И бездна приняла, какъ гробъ,
Меня на вѣкъ.... чтобъ въ Судный день
Моя испуганная тѣнь

Укрылась въ сумракѣ земли —
И мнѣ на сердце налегли
Громады горъ, — но громъ молчалъ!
Лишь братній вопль не умолкалъ....
И въ онѣмѣніи, какъ трупъ,
Я палъ на каменный уступъ!...

Минула ночь — и мутный взоръ
Открылъ я вновь; по скату горъ
Все было тихо и свѣтло,
Ихъ солнце раннее зажгло.
Вдали, на зелени полянъ,
Роса сверкала сквозь туманъ,
И сквозь туманы, въ сторонѣ,
Сіяла въ утреннемъ огнѣ,
Какъ бы серебряный коверъ,
Поверхность ясная озеръ.
И здѣсь и тамъ, любви пріютъ,
Склонились рощи, будто ждутъ,
Чтобъ мановеньемъ легкихъ крылъ
Ихъ вѣтеръ утра освѣжилъ;
И вѣтеръ дунулъ на лѣса
И вольныхъ птичекъ голоса,

И шумъ деревъ, и звонъ рожка
Ко мнѣ принесъ издалека.

Въ благоговѣніи нѣмомъ,
Какъ бы объятый чуткимъ сномъ,
Еще стоялъ я, — вдругъ въ умѣ,
Какъ искра вспыхнувшая въ тмѣ,
Блеснула мысль: Аньола!... Братъ!...
То сонъ иль нѣтъ?... Тревожный взглядъ
Окрестъ бросаю съ высоты —
Да! это сонъ! однѣ мечты!
Не въ первый разъ такіе сны
Моей тоской наведены! —
Но страхъ опять меня объялъ,
Казалось, будто услыхалъ
Я братній голосъ — бѣглый взглядъ
Случайно палъ на водопадъ,
И что же? Брата епанча
У ската горнаго ключа,
Полой вцѣпившись о гранитъ,
По вѣтру вьется и шумитъ!

И, какъ безумный, долго я
Очей недвижныхъ не сводя,

Стоялъ надъ бездной; стыла кровь,
Потухла мысль; но юность вновь
Спасла мнѣ жизнь, и я опять
Могъ все и вспомнить и понять.
Какъ разсказать, что въ этотъ мигъ
Сбылось со мною? Кто постигъ
Тотъ страхъ, которымъ пораженъ
Злодѣй, когда изобличенъ
Въ своей винѣ, и для него
Нѣтъ въ оправданье ничего —
Лишь тотъ постигъ бы, что со мной
Сбылося въ мигъ сей роковой!
И грѣшнымъ замысломъ моя
Душа смутилась: въ пропасть я
Рыдая, броситься готовъ —
Вдругъ — слышу звонъ колоколовъ...

По сердцу холодъ пробѣжалъ,
Я всѣми членами дрожалъ, —
Но все звучнѣй колокола:
И робость душу объяла
Невольно; грознаго Суда
Ихъ звонъ предвѣстникомъ тогда
Казался мнѣ. Замолкнулъ онъ —

Но мыслью страшной пораженъ,
Уже не смѣлъ рѣшиться я,
Сорвать оковы бытія!
И съ горъ, извилистой тропой,
Схожу въ раздумьи: предо мной
Открылись долы и поля;
Улыбкой радостной земля
Встрѣчала солнце — и свѣтло,
Какъ Царь, оно по небу шло;
Но былъ тяжелъ душѣ моей
Блестящій свѣтъ его лучей!

И слышны вновь колокола:
Не знаю, вѣра ли вела
Мои шаги, иль случай былъ,
Но я ужъ къ рощѣ подходилъ,
Гдѣ межъ деревъ, ея краса,
Былъ сельскій храмъ. Вдругъ голоса
Вблизи услышалъ я, и сталъ:
Аньолы голосъ я узналъ!
Она рыдала, — но яснѣй
Рыданья матери моей
Неслись ко мнѣ; — и что очамъ
Тогда явилось? Въ Божій храмъ

Тѣснились люди и межъ нихъ
Въ толпахъ взволнованныхъ, густыхъ,
Не могъ я скоро распознать
Мою рыдающую мать;
Но мнѣ былъ слышенъ вопль ея,
И къ ней рвалась душа моя!

И вдругъ раздвинулась толпа,
Гляжу: приникнувъ у столпа,
Какъ полумертвая, она
Стоитъ недвижна и блѣдна;
И на колѣнахъ подлѣ ней,
Еще безжизненнѣй, блѣднѣй
Аньола!... Сжалась грудь моя!
И вотъ въ толпу врываюсь я;
Ужъ подлѣ нихъ; и вдругъ стою —
Я вижу трупъ; я узнаю
Въ чертахъ недвижныхъ мертвеца,
Черты знакомаго лица —
То братъ! къ нему.... зову его....
Что дальше было — ничего
Теперь не помню; мракъ затмилъ
Мои глаза — и я безъ силъ

Съ ступеней палъ.... и у крыльца
Лежалъ мертвецъ близъ мертвеца!

Очнулся я — вокругъ гляжу:
Темно вездѣ; и я сижу
На чемъ-то жесткомъ; затая
Дыханье, вслушиваюсь я,
Все тихо; подъ рукой
Хруститъ солома, и сырой
Внезапно воздухъ мнѣ пахнулъ,
Тревожно къ верху я взглянулъ
И вздрогнулъ — въ тусклой вышинѣ
Окно съ рѣшеткой видно мнѣ....
И сталъ я все припоминать,
Но долго я не могъ понять,
Когда и кѣмъ перенесенъ
Я былъ въ тюрьму; — вдругъ тихій стонъ
Услышалъ я; казалось мнѣ,
Онъ сквозь отверзтіе въ стѣнѣ
Проникъ въ тюрьму.... я трепеталъ....
Знакомый голосъ я узналъ:

«О не отринь мольбы моей!
«Я здѣсь умру! Я отъ дверей

«Не отойду! — хоть разъ одинъ
«Пускай еще обниметъ сынъ
«Свою тоскующую мать!
«Возьми: за это все отдать
«Тебѣ готова!» .... И теперь
Визжитъ заржавленная дверь,
И мракъ темницы озаря,
Дрожащимъ свѣтомъ фонаря,
Тюремщикъ входитъ; съ крикомъ вслѣдъ
Вбѣгаетъ мать — я къ ней!... но нѣтъ,
Уже на грудь мою, въ слезахъ,
Она упала, и въ очахъ
Потухла жизнь; но слышалъ я,
Какъ тяжко билась грудь ея;
И я горѣлъ, и я дрожалъ,
И какъ ребенокъ зарыдалъ.

Склонясь челомъ, недвиженъ, нѣмъ,
Я долго плакалъ, между тѣмъ
Она опомнилась опять,
Хотѣла что-то мнѣ сказать;
Но я, собравъ остатокъ силъ,
Ея слова предупредилъ:
«Не проклинай меня! постой!

«Укоръ мнѣ смертью будетъ твой!
«Но я хочу, я долженъ жить,
«Чтобъ долгой мукой искупить
«Мою вину!» — «Не проклинать
Къ тебѣ въ тюрьму приходитъ мать!
Преступенъ ты — но ты мнѣ сынъ!
Тебѣ Судья — Господь одинъ!
И строго не осудитъ Онъ,
Какъ осудилъ земный законъ —
Творецъ жестоко не казнитъ,
Они простили — Онъ проститъ!»

И новый страхъ меня объялъ,
Увы! я сердцемъ угадалъ,
Что мнѣ еще ударъ одинъ
Судьба готовила. «Мой сынъ,
Сказала мать, давно съ тобой
Разсталась я; еще больной,
Безъ памяти, безъ чувствъ ты былъ,
И самъ себя изобличилъ
Въ своей винѣ — и тщетно мать
Его хотѣла оправдать:
Мнѣ сына слезы не спасли!
Полуживаго увлекли

Тебя отъ матери твоей
Сюда!.... Минуло много дней
И, неотступная какъ тѣнь,
Я здѣсь у двери каждый день,
Но дверь, какъ камень гробовой,
Была недвижна предо мной!

«Межъ тѣмъ Аньола съ каждымъ днемъ,
Въ томленьи тяжкомъ и нѣмомъ,
Какъ миртъ, когда у корня онъ
Подземнымъ червемъ поврежденъ,
Примѣтно чахнула, и вдругъ
Такъ долго скрытый въ ней недугъ
Какъ пламя вспыхнулъ на щекахъ, —
Но въ умирающихъ очахъ,
Такъ выразительно, порой
Сіяли радость и покой;
Ее разсѣять не могли
Родныя ласки; на земли
Ей было грустно; въ міръ иной
Перенеслась она душой;
И *тамъ* опять того нашла,
Кого *здѣсь* другомъ назвала.

Землѣ, какъ выдохшійся цвѣтъ,
Достался трупъ, — небесной нѣтъ!»

Умолкла мать; и я молчалъ,
Укоръ преступника терзалъ;
Но я слезы не уронилъ,
Молитву тихую творилъ,
Какъ о страдалицѣ, о ней
Я въ глубинѣ души моей.
И легче стало мнѣ дышать,
Я взоръ осмѣлился поднять,
Отрадно было вѣрить мнѣ,
Что тамъ, въ надзвѣздной сторонѣ,
Гдѣ безграничнѣй и святѣй
Любовь и жизнь, гдѣ нѣтъ страстей,
Она и братъ опять сошлись,
Чтобъ никогда не разойтись!
Но между тѣмъ свиданья часъ
Прошелъ, томительный для насъ,
Уходитъ мать, гремитъ замокъ —
И я остался одинокъ.

Тянулись грустной чередой
За днями дни; по мнѣ порой

Еще отрадный день сіялъ —
Я видѣлъ мать — и забывалъ
О горькой участи моей;
Темница самая при ней
Не такъ мрачна казалась мнѣ:
Текли бесѣды въ тишинѣ;
Сердечныхъ, теплыхъ много словъ
Находитъ матери любовь!
Лишь ими жилъ я, ихъ я ждалъ,
И жизнь еще благословлялъ!
Но, помню, горестнѣй, труднѣй,
Однажды съ матерью моей
Разстался я, какъ будто зналъ,
Что я навѣкъ ее терялъ,
Что и за гробомъ, можетъ быть,
Мы съ нею розно будемъ жить!...

И то пророчество души
Сбылось давно; въ моей тиши
Я ждалъ ее: она не шла!
Но, окриленна и свѣтла,
Еще однажды, въ вѣщемъ снѣ,
Какъ Духъ, она явилась мнѣ.
Съ тѣхъ поръ никто не навѣстилъ

Моей тюрьмы; я дни влачилъ
Какъ тяжкій сонъ; и много лѣтъ
Прошло; казалось, цѣлый свѣтъ
Страдальца-узника забылъ;
Мнѣ хлѣбъ и воду приносилъ
Все тотъ же стражъ — и отъ него
Не ждалъ я больше ничего!
Въ моей темницѣ я не зналъ,
Была ли ночь иль день сіялъ,
Мнѣ все равно, какъ будто я
И не видалъ свѣтила дня!

Шли за годами годы вслѣдъ;
Однообразныхъ много лѣтъ
Еще провелъ я; и во снѣ
О вольности не снилось мнѣ!
А между тѣмъ мой край родной
Опустошительной войной
Кипѣлъ вездѣ: Наполеонъ
Писалъ Италіи законъ,
И волновались въ ней умы; —
Какъ мертвый, въ сумракѣ тюрьмы,
Я ничего не зналъ... но вотъ
Однажды, слышу я, падетъ

Затворъ съ дверей моихъ, потомъ
Блеснули факелы; кругомъ
Толпятся люди; въ ихъ рукахъ
Сверкаютъ ружья... тайный страхъ
Стѣснилъ мнѣ грудь; я трепеталъ —
Хотя какъ блага смерти ждалъ!...

Но не на казнь меня влекли:
Иноплеменники пришли
Свободу узнику отдать;
Зачѣмъ? и кто? Мнѣ нужно-ль знать!
Одно я знаю: можетъ быть,
Мой долгъ того благословить,
Съ кѣмъ, на свободѣ, каждый шагъ
Я бы оспоривалъ какъ врагъ!...
Ведутъ меня: вдругъ свѣтъ дневной
На очи хлынулъ мнѣ волной!
Я былъ недвиженъ, ослѣпленъ,
Казалось мнѣ, со всѣхъ сторонъ,
Въ потокахъ яркаго огня,
Клубились солнцы вкругъ меня;
Но вѣтеръ грудь мнѣ освѣжалъ,
И быстро, жадно я дышалъ,

И, съ каждымъ вздохомъ, къ жизни вновь
Тѣснилась въ грудь мою любовь!...

Но что мнѣ въ жизни? И къ чему
Открылись взору моему
И скаты горъ, и долъ, и лѣсъ,
И сводъ безоблачныхъ небесъ?
Въ сознаньи тяжкомъ понялъ я,
Что міръ цвѣтетъ не для меня,
И что, быть можетъ, на земли
Два поколѣнья перешли,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, мертвецъ живой,
Дни велъ безъ счета подъ землей....
Земля богата, велика,
Но мнѣ на ней — ни уголка!
Кого искать? Куда пойду?
Въ комъ утѣшителя найду?
Я только радъ былъ одному:
Быть можетъ, въ отческомъ дому
Еще, какъ нѣкогда, пріютъ
Сѣдины сирыя найдутъ.

И вотъ пришелъ я въ отчій домъ;
Онъ обветшалъ; зеленымъ мхомъ

Одѣлась кровля по краямъ,
Лишь виноградникъ здѣсь и тамъ
Еще вился, какъ будто онъ
Одинъ годами пощаженъ.
И умиленьемъ и тоской
Я былъ проникнутъ, и ногой
Вступаю робкой на крыльцо...
Вдругъ незнакомое лицо
На встрѣчу мнѣ; хочу назадъ —
Но мнѣ, я слышу, говорятъ:
«Постой! возьми себѣ, старикъ!»
Даютъ мнѣ — хлѣбъ! я взялъ — и вмигъ
Его я судорожно сжалъ:
Мнѣ хлѣбъ такъ горекъ не бывалъ!
Слезами жаркими омытъ —
Хлѣбъ подаянья ядовитъ!

И край прекрасный, край родной,
Мнѣ сталъ печаленъ какъ чужой,
И только сердцу дорогъ былъ
Святыней горестной могилъ!
Я къ нимъ пришелъ: уже кресты
Полураспались; но кусты
Живыми розами цвѣли,

Надъ влажнымъ лономъ той земли,
Гдѣ былъ зарытъ Аньолы прахъ;
Мечта ль была? но въ ихъ листахъ
Мнѣ вѣялъ духъ не здѣшнихъ розъ;
Казалось, Ангелъ перенесъ
Изъ рая ихъ — и не роса —
На нихъ горитъ его слеза!
Надъ братомъ темный кипарисъ
Надгробной зеленью повисъ,
И грустно къ розамъ наклоненъ
Какъ будто тихо плакалъ онъ.

Могилу матери моей,
Густою сѣнію вѣтвей,
Роскошно яворъ осѣнялъ;
Онъ вѣтви къ брату простиралъ —
И мнѣ казалось: это мать
Хотѣла милаго обнять!
О для чегожъ въ его тѣни
И мнѣ бъ не кончить мирно дни,
Подумалъ я — и тяжело
Мнѣ стало вдругъ; склонивъ чело,
Я къ гробу матери припалъ,
И жарко, жарко лобызалъ

Сырую землю — но она
Казалась вдвое холодна!
О если бъ землю ту пробить
Я могъ слезами; можетъ быть,
Онѣ бъ какъ пламя потекли,
И въ самомъ прахѣ жизнь зажли!

Тоской безплодной утомленъ,
Я сѣлъ на камнѣ; чудный сонъ
Меня внезапно посѣтилъ:
(Не знаю, сонъ-ли это былъ);
Но видѣлъ я: рука съ рукой,
Вились три тѣни надо мной,
Полунеясны, какъ мечты,
Но мнѣ знакомы ихъ черты:
Преображенныхъ могъ узнать
Аньолу, брата я и мать.
И я услышалъ голосъ ихъ,
Онъ сладкозвученъ былъ и тихъ,
Но приговоръ изрекъ онъ мнѣ,
Чтобъ ихъ могилы въ тишинѣ
Навѣкъ покинулъ я, и вдаль
Понесъ души моей печаль,

Чтобъ не былъ ихъ спокойный сонъ
Напраснымъ плачемъ возмущенъ.

И чту я свято приговоръ:
Моей Италіи съ тѣхъ поръ
Я не видалъ, убогъ и сиръ,
Я обхожу печальный міръ.
Поютъ-ли пѣсни, слышу-ль смѣхъ,
Бѣгу я прочь отъ пѣсенъ тѣхъ,
Вдвойнѣ душа моя болитъ
Когда ей радость прозвучитъ!
Мнѣ чуждо все! Весь міръ чужой!
И часто, часто хлѣбъ дневной
Себѣ я вымолить не могъ;
И я душою изнемогъ
Подъ бременъ тяжкаго креста:
Презрѣнье, скорбь и нищета
Въ одинъ удѣлъ достались мнѣ,
Нѣтъ крова грустной сѣдинѣ,
И нагло шлетъ насмѣшку ей
Толпа безсмысленныхъ дѣтей!...

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДѢВИЧЬ-ГОРА.

Есть курганъ надъ Днѣпромъ,
Теремъ крѣпкій на немъ,
По угламъ златоверхія башни;
Неподвиженъ и тихъ,
Лѣсъ на ребрахъ крутыхъ,
И вокругъ ни жилища, ни пашни.

Но вечерней порой,
Межъ деревъ надъ рѣкой,
Пробѣгаютъ какія-то тѣни;
То играютъ въ волнахъ,
На серебристыхъ челнахъ,
То качаютъ зеленыя сѣни.

И далеко окрестъ,
При сіяніи звѣздъ,
Раздаются волшебные звуки:
Про веселье одна
Напѣваетъ струна,
А другая о горѣ разлуки....

И въ народѣ молва:
Тамъ цвѣтетъ сонъ-трава,
Это мѣсто отъ вѣка заклято:
Тамъ подъ грудой костей,
Схоронилъ чародѣй
Нажитое неправдою злато.

Но изъ княжихъ дружинъ
Богатырь не одинъ
Вызывался на смѣлое дѣло;
Въ лѣсъ входилъ — и назадъ
Безъ главы и безъ латъ
Отплывало Днѣпромъ его тѣло....

И никто, съ давнихъ поръ,
На таинственный боръ
Не возводитъ безъ трепета взора.

Но за вѣру и честь
Витязь въ Кіевѣ есть,
Всей дружины любовь и опора!

Онъ прекрасенъ и юнъ,
Онъ касается струнъ,
Какъ пѣвецъ вдохновенный въ Элладѣ.
И святой монастырь
Посѣтилъ богатырь,
Но крещенье принялъ въ Царѣградѣ.

Въ битвахъ онъ впереди,
Крестъ златой на груди,
(Придаетъ онъ воителю силу)
И средь гибельныхъ сѣчь,
Гдѣ блеснетъ его мечъ,
Тамъ заранѣ копайте могилу!

Много дѣвъ, много женъ,
На яву и сквозь сонъ,
Въ теремахъ о прекрасномъ тоскуютъ;
Ихъ напрасна любовь:
Богатырскую кровь
Только думы о славѣ волнуютъ!

Вотъ глядите, одинъ,
На конѣ межъ стремнинъ,
Надъ рѣкою Днѣпромъ онъ несется; —
Пыль летитъ отъ копытъ.
Дальній берегъ дрожитъ
По разсѣлинамъ гулъ раздается....

День блѣднѣлъ, день погасъ,
Это вечера часъ,
И куда жъ богатырь въ эту пору?
Что до ночи? до дня?
Онъ торопитъ коня,
Подъѣзжая къ волшебному бору.

Но не туча ль къ нему,
Вся въ огнѣ и въ дыму,
Вылетаетъ со свистомъ на встрѣчу?
Захрапѣлъ его конь,
Но безъ страха въ огонь,
И безъ трепета всадникъ на сѣчу....

И разсѣялся дымъ,
Исполинъ передъ нимъ,
Весь окованъ въ желѣзныя латы —

Зазвенѣла броня,
Конь, какъ вихрь, на коня —
И сшибаются разомъ булаты....

Равенъ бой; великанъ
Свирѣпѣетъ отъ ранъ,
Все сильнѣй и сильнѣй напираетъ.
Вдругъ сіянье окрестъ —
Мѣсяцъ всходитъ — и крестъ
На груди озаренной сіяетъ....

Что же врагъ? онъ назадъ!
Онъ роняетъ булатъ,
Ослѣпленный чудеснымъ сіяньемъ,
Съ воплемъ бросился въ лѣсъ,
И во мракѣ исчезъ
И опять все объято молчаньемъ.

Побѣдитель впередъ —
Вотъ и теремъ съ высотъ
Забѣлѣлъ между башенъ зубчатыхъ.
Копья вбиты вокругъ,
И на нихъ рядъ кольчугъ
Да черепы въ шлемахъ косматыхъ....

Вотъ ворота, затворъ
Упадаетъ, и въ дворъ
Богатырь нашъ въѣзжаетъ широкой;
Все свѣтло при лунѣ,
Но мелькаетъ въ окнѣ
Свѣтъ не лунный изъ башни высокой....

Вотъ съ навѣсомъ крыльцо,
У навѣса кольцо,
И къ кольцу крестоносецъ подходитъ;
Чуть коснулся — и звукъ
Раздается вокругъ,
Хоръ невидимый пѣсню заводитъ....

Все очнулось кругомъ,
И по терему громъ,
Огоньки пробѣгаютъ и тѣни —
Но безъ страха впередъ
Смѣлый витязь идетъ,
Подъ ногой зазвенѣли ступени.

Вотъ обширный покой,
Озаренный луной,
Вотъ съ нимъ рядомъ другая свѣтлица;

Тихо все, лишь порой
По бокамъ, за спиной,
Появляются страшныя лица.

Витязь далѣе — свѣтъ
То забрезжетъ, то нѣтъ,
Чуть блеснетъ и исчезнетъ мгновенно, —
Разомъ хлопнула дверь,
Витязь къ ней — и теперь
Онъ въ свѣтлицѣ кругомъ озаренной....

Чуденъ, пышенъ уборъ,
Никогда его взоръ
Не встрѣчалъ столько перловъ и злата;
Тамъ восточная ткань,
Тамъ алмазная грань,
Всѣмъ богатствомъ свѣтлица богата.

По срединѣ навѣсъ,
Цвѣтъ прозрачный небесъ
Отразился на ткани лазурной;
Будто солнце на немъ
Что-то блещетъ огнемъ,
Всюду свѣтъ разливая пурпурной.

Изумленъ, ослѣпленъ,
Витязь мыслитъ: то сонъ!
Но невольно подходитъ къ навѣсу.
И коснулся слегка
Золотаго снурка,
И по кольцамъ раздвинулъ завѣсу.

И клубясь передъ нимъ,
Изъ курильницы дымъ
Ароматомъ повѣялъ — и что же?
Онъ не вѣдаетъ самъ
Вѣрить, нѣтъ ли очамъ —
Подъ навѣсомъ роскошное ложе!

Витязь, витязь! за чѣмъ
Ты недвиженъ и нѣмъ?
Твое сердце боязни не знало?
То невѣдомый страхъ!
Какъ огонь на щекахъ
Разгорѣлось стальное забрало....

Какъ созданіе грезъ
Краше лилій и розъ,
Предъ витяземъ дѣва младая;

У ланитъ, у плечей,
Вьются кольца кудрей,
На лебяжую грудь упадая.

На подушку она
Головой склонена,
Ей серебристая дымка покровомъ,
И подъ дымкою станъ,
Какъ цвѣтокъ сквозь туманъ,
Обозначенъ на ложѣ пуховомъ.

Что жъ молчитъ красота?
Неподвижны уста,
Ей дыханіе груди не колышетъ....
Видно спитъ — и сквозь сна
И чужаго она
Въ часъ полночи прихода не слышитъ!

Мигъ проходитъ — смѣлѣй
Витязь близится къ ней.
Онъ влюбленъ — онъ не вынесетъ долѣ.
И кипитъ и горитъ,
И отъ жаркихъ ланитъ
Онъ забрало отвелъ по неволѣ.

И коснулась рука,
Дѣвы спящей слегка,
Что жъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ, цѣпенѣетъ?
Сердце дѣвы не бьетъ —
Грудь красавицы — ледъ!
Отъ прекрасной могилою вѣетъ!

Но не сводитъ онъ съ ней
Неподвижныхъ очей,
Все въ ней душу любовью волнуетъ,
И чуть смѣя дохнуть,
Онъ припалъ къ ней на грудь,
Охладѣлыя очи цѣлуетъ.

Вдругъ съ груди боевой
Крестъ повисъ золотой
И коснулся онъ персей дѣвицы....
И не чудо ли? вновь
Загорѣлась въ ней кровь,
Поднялися густыя рѣсницы.

И томна и блѣдна,
Долго смотритъ она,
На младаго пришельца стыдливо,

И лилѣйною рукой
Свой покровъ голубой
Надвигаетъ на грудь торопливо.

Но какъ будто отъ сна
Вдругъ воспрянувъ, она
На колѣни предъ витяземъ пала.
«Избавитель, постой!
«Доверши подвигъ свой,
«Безъ тебя я бы вѣчно страдала!

«Мнѣ за грѣхъ наведенъ
«Смертный, тягостный сонъ,
«Здѣсь ужасною жизнью жила я!
«Лишь мѣнялись мечты,
«Средь ночной темноты,
«И страшнѣе одна, чѣмъ другая....

«Твой могучій ударъ
«Не разрушилъ бы чаръ,
«Всѣ чары твой крестъ разрушаетъ —
«Ахъ! отдай мнѣ его.
«Мнѣ не жить безъ него....
«Видишь, сонъ мои вѣжды смыкаетъ....»

Дѣву вдругъ объялъ сонъ;
Богатырь изумлёнъ,
И доселѣ не вѣритъ онъ чуду. —
«Вотъ мой крестъ», наконецъ
Восклицаетъ пришлецъ,
«Да хранитъ онъ прекрасную всюду!»

Крестъ снимаетъ, потомъ
На объятую сномъ.
Золотую онъ цѣпь налагаетъ, —
Отъ волшебнаго сна
Вновь очнулась она,
И веселье во взорахъ блистаетъ....

Вдругъ потухли огни —
Все утопло въ тѣни.
Раздается по терему грохотъ,
То пронзительный звукъ,
То стенанье и стукъ,
То русалокъ насмѣшливый хохотъ.

Разомъ синимъ огнемъ
Теремъ вспыхнулъ, и громъ
Подъ землей прокатился трикраты;

Стѣны зыблются, сводъ
И трещитъ и падетъ,
И разсыпались башни зубчаты....

Ночь минула, разсвѣтъ....
Что же витязя нѣтъ?
Гдѣ же теремъ и башни и стѣны?
Все исчезло, лишь съ горъ
Смотритъ сумрачный боръ
На плывущее тѣло межъ пѣны....

Есть преданье: съ тѣхъ поръ
Тотъ таинственный боръ
Обитала отшельница дѣва.
Кто то-видѣлъ, одна,
Тамъ молилась она,
Надъ рѣкою, подъ сѣнію древа.

Много минуло лѣтъ,
И молельщицы нѣтъ:
Сохранили преданье напѣвы,
И курганъ надъ рѣкой
Былъ Дѣвичьей Горой
Названъ въ память отшельницы-дѣвы.

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

I.

Какъ дневной смолкаетъ шумъ,
Какъ лазурный сводъ темнѣетъ,
Надъ землей незримо вѣетъ
Тихой жизнью Ангелъ думъ!...
Въ эту сладостную пору,
Какъ въ священной тишинѣ,
Предстаетъ природа взору,
Безмятежная во снѣ,
Страсти буйное безумье
Далеко бѣжитъ души,

И таинственно раздумье
Сходитъ на сердце въ тиши!
Въ это чудное мгновенье
Есть неясная печаль,
Есть неясное стремленье, —
Будто сердце рвется вдаль,
Будто хочетъ породниться
Въ цѣломъ мірѣ съ чѣмъ нибудь,
И вдвойнѣ больная грудь
Одиночествомъ томится.

II.

Одинокій гость земли
Зритъ ли звѣздочки вдали,
Какъ онѣ межъ облаками
Блещутъ яркими четами, —
Иль, задумчивъ, смотритъ онъ,
Какъ, всходя на небосклонъ,
И любви и нѣги полный,
Лобызаетъ мѣсяцъ волны, —
Иль слѣдитъ за вѣтеркомъ
Какъ онъ вьется надъ цвѣткомъ,
Какъ въ таинственномъ лобзаньѣ
Пьетъ душистое дыханье....

Жизнь ихъ сладостная въ немъ
Не горитъ живымъ огнемъ!
Онъ душою отчужденный
Ихъ союза не пойметъ:
Для души уединенной
Міръ прекрасный не живетъ.

III.

Но когда благословенны.
Вседержавною рукой,
Двѣ души союзъ священный
Заключатъ между собой,
Какъ огонь любви согрѣетъ
Ихъ волшебной теплотой.
Откровеніе повѣетъ
Вмигъ надъ любящей четой, —
Тайны тѣ, что схоронила
Грудь природы глубоко,
Вдохновительная сила
Разрѣшаетъ ей легко.
Въ лоно пламенныхъ объятій
Двухъ любовниковъ какъ братій
Міръ пріемлетъ, — и тогда
Съ ними жизнь его слита;

Звѣздъ и мѣсяца сіянье,
Шумъ деревъ и говоръ водъ,
И цвѣтовъ благоуханье,
Все имъ голосъ подаетъ,
Все въ нихъ жизнь переливаетъ,
Какъ съ природой ихъ одно
Навсегда соединяетъ
Неразрывное звѣно.

IV.

Подъ навѣсомъ зыбкой сѣни,
Гдѣ цвѣтущія сирени
Наклонились головой,
Надъ дерновою скамьей,
Слышенъ голосъ:
—Что, мой милой,
Смотришь въ очи мнѣ уныло?
Что мнѣ руку пожалъ ты?

Онъ.

Другъ мой, грустныя мечты
Взволновали вдругъ мнѣ душу.

Она.

Что жъ? скажи!

Онъ.

Зачѣмъ нарушу
Грустной мыслію моей
Сладкій сонъ души твоей?...

Она.

Ты печаленъ: почему же
Мнѣ печальною не быть?
Радость я дѣлю: кому же
И печаль съ тобой дѣлить?

Онъ.

Такъ взгляни жъ на это море,
Какъ роскошно на просторѣ
Блещетъ тканью золотой,
Озаренное луной!
Что же, если бъ, перлъ вселенной,
Неожиданно, мгновенно,
Мѣсяцъ на небѣ потухъ,
И упалъ на волны вдругъ
Мракъ несходный и угрюмой?

Она.

Отъ чего же этой думой
Ты глубоко пораженъ?...

Онъ.

Ею былъ перенесенъ
Я къ другой мечтѣ мятежной.
Я тебя, мой ангелъ нѣжный,
Съ этимъ мѣсяцемъ сравнилъ,
Чтобъ мнѣ міръ прекрасный былъ.
Если бъ снова я душою
Въ немъ остался сиротою,
Если бъ (страшная мечта!)
Эти очи и уста....

Она.

Что жъ печалиться, мой милой?
Жизнь вѣрна и за могилой.
Не равно ли, здѣсь иль тамъ?
Лишь бы жить не розно намъ!

Онъ.

Вѣрю, вѣрю упованью!
Но за гробъ однимъ путемъ,

Къ замогильному свиданью,
Все жъ не вмѣстѣ мы пойдемъ.
Молодъ я, во цвѣтѣ силы:
Мнѣ далеко до могилы!
Ты же жизнію цвѣтокъ;
Юныхъ дней твоихъ потокъ
Унесетъ одно страданье,
Какъ уноситъ вѣтерокъ
Жизнь цвѣтка благоуханье.
О, коль это испытанье
Суждено мнѣ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Я, клянусь, тебѣ во слѣдъ
Землю грустную оставлю
И, свободною душой,
Гдѣ бъ ты ни была, направлю
Мой полетъ я за тобой! —

Онъ замолкъ; она молчала,
Но къ груди его припала
Чернокудрой головой,
И, храня слѣды печали,
Очи тихія сіяли
Умиленною слезой.

V.

Есть предчувствіе; я вѣрю —
Невозвратную потерю
Въ насъ душа предузнаетъ:
Вотъ сирень еще цвѣтетъ,
Надъ скамьей уединенной, —
Что жъ тропою потаенной,
Въ часъ, какъ ночи тѣнь падетъ,
Къ ней никто уже нейдетъ?...

Не придетъ опять младая
Намъ знакомая чета!

Въ зломъ недугѣ угасая,
Вотъ на ложѣ смерти та,
Чьи давно ль во мракѣ ночи
Пламенѣли нѣгой очи,
А теперь при блескѣ дня
Будто звѣзды безъ огня;
Вотъ и онъ, другъ сердца милый,
Неподвижный и унылый,
На колѣнахъ у одра:

Онъ слѣдитъ, какъ жизнь въ ней вянетъ.
Но не вѣритъ, что настанетъ
Сердцу страшная пора!

Не спасла любовь и вѣра,
Мукъ земныхъ свершилась мѣра:
Сна могильнаго крыло
Осѣняетъ ей чело.
И на долгую разлуку
Холодѣющую руку
Другу подала она:
Жизни дрогнула струна, —
И душа, подобно звуку,
На невидимыхъ крылахъ,
Утонула въ небесахъ.

Есть предѣлы упованьямъ!
Вотъ съ отчаяннымъ рыданьемъ
Онъ падаетъ у хладныхъ ногъ.
Вдругъ у ногъ пахнулъ одеждой
Перелетный вѣтерокъ:
Вспыхнулъ юноша надеждой:
Къ ней!... зоветъ.... Обманъ жестокъ!
Безотвѣтенъ зовъ безплодный.

Неподвиженъ трупъ холодный,
Очи, перси и уста
Все замолкло навсегда.

И безумнострашнымъ взоромъ
Обратился онъ съ укоромъ
Къ отдаленнымъ небесамъ;
Но свѣтло все было тамъ,
Синева небесъ сіяла;
Божьихъ Ангеловъ семья
Хоромъ въ рай сопровождала
Душу чистую ея....

VI.

Выпалъ жребій неизбѣжный!
И любовникъ молодой
Клятвы страшной, клятвы нѣжной
Сохранилъ обѣтъ святой.
Міръ безлюдный, міръ печальный
Для него пустыней сталъ;
Тамъ, въ лазури, ясной, дальной,
Міръ иной страдальца звалъ.

И пришелъ онъ вновь подъ сѣни,
Гдѣ душистыя сирени
Наклонились головой
Надъ дерновою скамьей;
Но ужъ сердце въ немъ хладѣло:
Клятву онъ свершилъ свою, —
И безчувственное тѣло
Тихо пало на скамью.

VII.

Какъ изъ храма паръ душистый,
Какъ молитвы голосъ чистый,
Окрыленна и вольна,
Новой жизнію полна,
Сумракъ ночи разсѣкая,
Понеслась душа младая, —
И предъ нею все ярчѣй
Звѣзды вдоль небесъ блистали
И къ желанной цѣли ей
Ясно путь обозначали....
И прекрасная заря,
Блескомъ розовымъ горя,
Вдалекѣ предъ ней сіяла, —

Будто солнцевъ легіонъ
Слитый вмѣстѣ, озаряла
Отдаленный небосклонъ.
«Вижу, вижу край желанный,
«Край любви обѣтованный.
«И заранѣ узнаю:
«Тамъ найду любовь мою!»
Вдругъ невидимая сила
Крылъ полетъ остановила.
И оттуда, гдѣ свѣтло
Небо розами цвѣло,
Что-то тихо отдѣлилось
Искрой ярко-золотой;
И надъ тѣнью молодой
Свѣтлымъ облакомъ спустилось.

VIII.

Разошелся дымъ златой:
И сквозь паръ душистый дыма
Блещетъ образъ Серафима
Злотокудрый и младой.
«Тѣнь преступная, куда ты!
Рая въ свѣтлыя палаты

Не достигнешь ты къ вратамъ;
Ты не Бога любишь тамъ,
Но любовь свою земную
Переносишь въ жизнь иную, —
И на казнь обречена
Эта тяжкая вина!
Между небомъ и землею
Осужденъ ты жить душою;
Ты съ земли отторгъ себя, —
Рай чуждается тебя!»

IX.

Отчужденною душою
Въ цѣломъ мірѣ сирота,
Между небомъ и землею
Онъ живетъ; идутъ лѣта, —
И неразъ ему случалось,
Въ хорѣ Ангеловъ сдавалось,
Милый голосъ слышалъ онъ....
О, какъ сильно этотъ звонъ
И мучительнымъ желаньемъ,
И тоской, и упованьемъ
Душу бѣдную смущалъ!

Крылы вновь онъ развивалъ,
Но невидимыя силы
Останавливали крылы,
И на грустный край земли
Безпощадныя влекли.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Кто бросился въ Волховъ съ крутыхъ береговъ?
Въ рѣкѣ заклубилася пѣна.
Въ рѣкѣ зазвенѣло.... не звонъ ли оковъ?
Навѣрное бѣглый изъ плѣна!

Нѣтъ, бѣглый не будетъ съ мечемъ и въ бронѣ,
У плѣнника збруи не стало!
То кто-то изъ нашихъ плыветъ на конѣ....
Зачѣмъ же надвинулъ забрало?

Онъ крѣпокъ, онъ молодъ, онъ волны сѣчетъ
Съ прямой богатырской отвагой,
И конь его сильный отважно плыветъ,
И брызжетъ кипящею влагой;

Ужъ поздно — и туча легла какъ свинецъ,
По Волхову вѣтеръ гуляетъ,
Откликнулся воронъ, — торопися пловецъ —
Не доброе воронъ вѣщаетъ!

Вотъ конь погрузился, тяжелѣ плыветъ, —
Но берегъ другой не далеко,
Храпитъ и дрожитъ онъ, и разомъ изъ водъ
На берегъ взлетаетъ высокой....

Вздыхая вольнѣе, онъ буйно заржалъ,
Взмахнулъ онъ косматою гривой,
И бодрый какъ прежде по кочкамъ помчалъ
Сѣдока удалаго ретиво.

Къ недальному бору подъѣхалъ ѣздокъ,
Окрестъ и темно все и глухо,
Порою болотный блеснетъ огонёкъ,
Ничто не доходитъ до слуха.

Чѣмъ далѣ, все гуще и сумрачнѣй боръ,
Нависнули сосны да ели,
Какъ видно не сѣкъ ихъ безщадный топоръ,
И люди ихъ тронуть не смѣли.

Конь тяжко ступаетъ, нѣтъ болѣе силъ,
Дрожатъ подгибаясь колѣна,
Вотъ сталъ онъ упрямо и каплетъ съ удилъ
И кровь и багровая пѣна....

На землю ступилъ по неволѣ сѣдокъ,
Коня онъ ведетъ за собою,
Но путь ему труденъ, все пни и песокъ,
Да иглы хрустятъ подъ ногою.

Вдругъ вѣтеръ ударилъ и облакомъ дымъ
И свѣтъ разливаются всюду,
Послышался голосъ: «куда ты, Вадимъ?
Къ добру ты пришелъ или къ худу?»

Иду я совѣта искать у Волхва,
Пришелецъ отвѣтствуетъ смѣло,
Проникъ онъ всѣ тайны, вѣщаетъ молва,
Такъ самъ угадаетъ: въ чемъ дѣло?

Сказалъ онъ и вѣтеръ затихнулъ, и вмигъ
Разсѣялось облако дыма,
И тихо подходитъ столѣтній старикъ
И взоромъ пытаетъ Вадима....

Развѣчена чудно одежда на немъ,
Брада серебрится какъ иней,
Чело жъ осѣняетъ летучимъ вѣнцемъ
Огонекъ то румяный, то синій.

«Вадимъ! ты узнаешь, всевѣдущъ ли я
«И тщетно ль мнѣ вѣрятъ народы
«Покоренъ мнѣ воздухъ, покорна земля,
«Проникъ и въ огонь я и въ воды.

«Что прежде сбылося, что будетъ впередъ,
«Все знаю въ пустынѣ безлюдной,
«О чемъ ты замыслилъ и что тебя ждетъ
«Провѣдать, увидишь, не трудно.»

И шепчетъ гадатель и кругъ очертя,
Медвѣжьей махнулъ рукавицей,
И птицы отвсюду, шумя и свистя,
Слетаются бурной станицей.

«Теперь все готово, промолвилъ старикъ,
Всю правду намъ выскажутъ птицы,
Тебѣ же понятенъ ихъ будетъ языкъ,
Пока не шагнешь за границы.»

И витязь вступаетъ въ таинственный кругъ,
Ему, какъ бы стало страшнѣе,
Онъ ждетъ предвѣщанья; волнуется духъ,
И сердце забилось сильнѣе:

СОКОЛЪ.

Коршунъ хищный! плавнымъ кругомъ
Такъ высоко не летай,
Дай намъ встрѣтиться другъ съ другомъ,
Силъ со мною попытай!
На тебя ширококрылой
Я ударю всею силой,
И по вѣтру я вокругъ
Размечу твой сѣрый пухъ;
А не то, во мракѣ ночи,
Если сномъ смѣжишь ты очи,
Неожиданный паду,
Гдѣ бъ ты ни былъ, я найду!

СОВА.

Нѣтъ! и въ сумракѣ ночей
Ты подъ властію моей,
Соколъ, ночью всюду я
За тобой, какъ тѣнь твоя;

Ты отъ взора моего
Не укроешь ничего;
Ночью все подвластно мнѣ,
Будь твой недругъ хоть во снѣ,
Пробужу я въ мигъ его
До прихода твоего....

ВОРОНЪ.

Чья мнѣ слышится кровь?
Гдѣ-то двое враговъ!
А! коршунъ и соколъ сшибаются вдругъ,
По воздуху вьется разбросанный пухъ....
Жарокъ бой въ вышинѣ,
Кто жъ достанется мнѣ?
Вотъ ударилъ одинъ, вотъ ударилъ другой,
Взвивается коршунъ и конченъ ихъ бой,
Соколъ, соколъ, твою
Кровь я досыта пью!

Умолкнули птицы — исчезнулъ старикъ,
Вполнѣ совершилось гаданье,
Но витязь безмолвенъ, челомъ онъ поникъ,
Не въ радость ему предсказанье!

Вотъ утро блеснуло, конь весело ржетъ,
Но витязь не внемлетъ и шуму,
Вадиму печаленъ и солнца восходъ —
Онъ крѣпкую думаетъ думу....

———

ГУРІЯ.

«Не ходи на поле битвы,
Не точи свой ятаганъ!
Не спасутъ тебя молитвы
Въ тучѣ стрѣлъ отъ ѣдкихъ ранъ.
Милый другъ, тамъ за Пророка
Долы цѣлые въ крови:
Не ходи жъ на встрѣчу рока,
Осуши слезу любви!»

И рабѣ своей покорный
Воинъ-юноша внималъ,
И въ раздумьѣ локонъ черный
Ей свивалъ и развивалъ:
Потухаетъ жажда брани,

Въ сердце крадется печаль, —
И скользитъ изъ жаркой длани
Недоточенная сталь.

Вотъ и вечеръ темнокрылый
На сады, на волны, палъ:
Одалиски, сердцу милой,
Грустный другъ не покидалъ;
Ихъ засталъ и часъ полночи
Съ грудью грудь; — горятъ уста, —
И смыкаетъ сладко очи
Утомленная чета.

Но, какъ съ неба голубаго
Сходитъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Очи воина младаго
Сонъ волшебный посѣтилъ:
Снилось, кто-то въ морѣ злата
Пролетѣлъ, и вдругъ исчезъ;
Но съ восхода до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ:

И въ сіяньи сходитъ дѣва:
Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,

Вѣтвь божественнаго древа,
И фіялъ въ ея рукѣ.
Станъ въ дыму прозрачной ткани,
Бѣлъ, какъ снѣгъ на темѣ горъ;
Грудь какъ волны, очи лани,
Но упрекомъ блещетъ взоръ.

Воинъ медленно подъемлетъ
Полусонную главу.
Пробудился онъ иль дремлетъ, —
Онъ не помнитъ; на яву
Передъ нимъ все та же дѣва,
Тотъ же блескъ со всѣхъ сторонъ;
И, какъ стройный звукъ напѣва,
Голосъ дѣвы слышитъ онъ:

«Не страшись. Я дѣва рая,
Я, на легкихъ крыльяхъ сна,
Изъ надсолнечнаго края
Въ здѣшній міръ занесена.
Въ звѣздномъ хорѣ одиноко
Я полетъ свершаю мой,
И поклонника Пророка
Жажду страстною душой.

«Какъ недвижныя свѣтила
Вѣченъ блескъ красы моей:
Время, горе и могила
Тратятъ власть свою надъ ней;
Отъ моихъ лобзаній таетъ
Сердце въ пламени любви,
И угасшій воскресаетъ
Огнь желанія въ крови.

«Но того съ двойной любовью
Приметъ Гурія на грудь,
Кто въ бояхъ своею кровью
Освятилъ пророка путь.
О, покинь, кого ты любишь!
Стань подъ знаменемъ святымъ!
Ты небесное погубишь
Наслажденіемъ земнымъ!»

Смолкла. Ризой серебристой
Обвилась, и вся въ лучахъ,
Какъ алоя паръ душистой,
Утонула въ небесахъ;
И за ней палящимъ взоромъ
Воинъ вслѣдъ; душа полна

Страстью новой, и укоромъ
Грудь порою стѣснена:

На подругу взводитъ очи, —
Но не къ ней любви огонь!
Онъ встаетъ. Подъ кровомъ ночи
Тихо выведенъ имъ конь.
За плечами лукъ и стрѣлы,
Ятаганъ за кушакомъ.
И понесся воинъ смѣлый
На свиданіе съ врагомъ.

День зажегъ края востока, —
Прытче конь, — и скоро онъ
Подъ знаменами Пророка
Ѣздокомъ остановленъ.
Мигъ вздохнулъ, и вновь летучій
Въ бой помчался съ сѣдокомъ.
И, какъ въ бурю туча съ тучей,
Воинъ встрѣтился съ врагомъ. —

Вдругъ ударъ! Облитый кровью
Онъ падетъ на груды тѣлъ.
Смерть надъ нимъ; но къ изголовью

Кто-то свѣтлый подлетѣлъ.
Онъ взглянулъ: то дѣва рая!
Все въ ней блескъ и красота;
И зажглися, умирая,
И прильнули къ ней уста.......

ДУМА.

I.

Воля, сила и отвага
Въ голубыхъ волнахъ Днѣстра,
Съ шумомъ путь свой рѣжетъ влага
Своенравна и быстра.
Бѣгъ ея обозначая,
Бессарабія степная
Справа тянется; кругомъ.
На раздольи голубомъ,
Нѣтъ далеко пыльныхъ, душныхъ
Многолюдныхъ городовъ,
Только бѣгъ гонцовъ воздушныхъ
Перелетныхъ облаковъ,
Только солнце золотое.

Небо звѣздно-голубое,
Да янтарный ликъ луны
На Днѣстрѣ отражены!
Край окрестный, край пустынный!
Холмы идутъ цѣпью длинной,
Къ волнамъ кой-гдѣ сходитъ садъ,
Защищенъ отъ бурь и зноя,
И крутые скаты кроя,
Пышно вьется виноградъ.
Да съ границъ страны опальной
Возвышая легкій ростъ,
Тѣнью стройно-колоссальной
Тополь на берегъ недальной
Перекинулъ зыбкій мостъ,
Будто, странникъ торопливой,
Онъ въ Подоліи счастливой,
По хрустальному пути,
Самъ хотѣлъ бы перейти!

II.

Чья жъ тѣнь разостлалась на Днѣстръ голубой,
Не тучу ли буря наводитъ?
Нѣтъ! тучи мрачнѣе, тяжелой стопой
Твердыня съ холма къ нему сходитъ.

Вотъ замокъ и башни, пустыни гроза,
Вдоль гребнемъ зубчатыя стѣны —
Ихъ тѣнь отымаетъ у волнъ небеса,
И блескъ у серебряной пѣны!

Съ крутаго разбѣга сердито рѣка
Подножье кремнистое роетъ,
Но въ тщетныхъ усильяхъ проходятъ вѣка,
Волна великана не смоетъ!

Какъ юноша буйный, былъ страшенъ Хотинъ
Подоліи въ прежнія лѣта,
Пока бунчуки развѣвались съ вершинъ
И мѣсяцъ сіялъ съ минарета;

Онъ твердою грудью встрѣчалъ Поляковъ,
И часто кровавые трупы
Со стѣнъ осажденныхъ, съ крутизны холмовъ,
Катились въ рѣчные уступы!

Но Русское знамя могучимъ орломъ
Взвилось въ Заднѣстровской равнинѣ,
Хотинъ не заспорилъ съ неровнымъ врагомъ —
И крестъ возсіялъ на твердынѣ!

Съ развалинъ мечети воздвигнулся храмъ,
И скоро, на звонъ колокольный,
Съ окрестной равнины, безъ страха, къ стѣнамъ
Сойдется народъ богомольный...

Но Русскаго недругъ бѣги Хотина!
Онъ миренъ — но прежнія силы
Въ себѣ затаила сѣдая стѣна,
Дохнетъ — и посѣетъ могилы!

III.

У стѣнъ обрушенныхъ, набѣгомъ волнъ подрытыхъ,
Грозой военною иль временемъ разбитыхъ,
Раздумьемъ прихожу развлечь мою тоску;
Къ обломку мшистому приникнувъ головою,
Слѣжу, какъ быстрый Днѣстръ, по желтому песку,
Лазурно освѣщенъ вечерней синевою,
Въ живыхъ извилинахъ струится предо мною...
Какъ тихо и свѣжо! Весенніе цвѣты
Съ равнинъ Подоліи душистымъ паромъ вѣютъ.
О если бъ кто другой, въ комъ есть еще мечты,
Въ комъ славы помыслы живое сердце грѣютъ,
Сюда принесъ, какъ я, свой творческій досугъ,

Здѣсь вдохновился бъ онъ, какъ чародѣй, какъ Духъ,
Воображеніе крылами расширяя,
И отъ земли себя забвеньемъ отрѣша,
Отсюда безъ преградъ свободная душа
Далече бъ унеслась, какъ Пери молодая,
И, какъ рубежъ степей и звѣздный небосклонъ,
Двѣ жизни бъ въ немъ слились въ одинъ согласный сонъ!

IV.

Кто же свелъ тюрьмою тѣсною
Степи вольныя вокругъ,
И надъ ними даль небесную
Сдвинулъ въ близкій полукругъ?

Не темничною ль оградою
Воздухъ сжатъ вокругъ меня,
Что ни волей, ни прохладою
Не вздохну просторно я! ...

То не чары, не заклятія
Небо сдвинули и степь,
Но тѣснятъ меня объятія
Чьи-то тяжкія какъ цѣпь!

Тайный недругъ обладателемъ
Жизни немощной моей,
Онъ слѣдитъ за мной предателемъ
Въ самомъ сумракѣ ночей —

И незримаго присутствіе
Сердцемъ сжатымъ познаю,
Льетъ онъ холодъ и безчувствіе
Въ душу грустную мою,

Онъ любви и вдохновенія
Развѣваетъ дымомъ сны,
Съ нимъ и слезы умиленія
Какъ ребячество смѣшны!...

Мысль отрадную, случайную,
Если въ сердцѣ затаю,
Ясновидецъ, думу тайную
Проницаетъ онъ мою,

И зародышъ наслажденія
Умерщвляетъ злобный духъ,
Какъ младенца до рожденія
Въ лонѣ матери недугъ!...

V.

Но кто же онъ, холодный возмутитель,
Спокойствія сердечнаго въ тиши?
Не человѣкъ, не демонъ-соблазнитель,
Но собственной изчадіе души!
Когда по ней рушительной грозою
Кровавыя страданія прошли,
На алтарѣ цвѣты мои пожгли,
И огнь потухъ, безъ пищи, самъ собою —
Во глубинѣ сгустившаяся мгла,
Мнѣ голосъ свой могильный подала, —
Какъ филина напѣвъ среди развалинъ,
Глухой отзывъ мучительно-печаленъ,
Но тотъ, кому внимать я осужденъ,
Безъ образа и безъ названья онъ! . . .

VI.

И, подавленъ сей властью роковою,
Въ природѣ всей уединенъ душою,
На небеса, на волны, на цвѣты
Бросаю взглядъ холодный, утомленный,
Какъ бы глядѣлъ любовникъ пресыщенный
На прелести докучной красоты,

*

Которыя такъ пламенно, бывало,
Пока еще таилися онѣ,
И на яву и въ сладострастномъ снѣ
Воображеніе кипящее ласкало....

Вотъ ужъ вспыхнулъ темный сводъ
Искрометными звѣздами,
И, не споря съ берегами,
Днѣстръ у ногъ моихъ течетъ;
И къ струямъ его сбѣгая,
Вдоль цвѣтами убрана,
Какъ невѣста молодая,
Мнѣ Подолія видна:
Но неясную кручину
Сердце кроетъ въ глубинѣ,
Будто въ тягость видѣть мнѣ
Вдоль развитую картину,
Свѣтлой, мирной красотой,
Несогласную съ душой!

VII.

Но чу! я слышу, въ рощѣ дальной,
Зоветъ подругу соловей;
О что жъ сбылось въ груди моей,

Давно холодной и печальной?
Ужель на пѣсню соловья
Отозвалась душа моя!
О помню, помню звуки эти,
И вы ихъ помните ль, друзья?
Еще тогда мы были дѣти,
Ихъ вмѣстѣ съ вами слушалъ я.
Тѣхъ дней младенчества безпечныхъ,
Игривыхъ, свѣтлыхъ, быстротечныхъ,
Какъ будто снова предо мной
Веселый, шумный ожилъ рой.

VIII.

Другіе дни туманною чредою,
Въ воспоминаніи за ними идутъ вслѣдъ,
Тѣ дни, когда любимою мечтою,
Надеждою и цѣлью былъ — поэтъ.
Какъ много разъ въ прохладный мракъ долины
Я приходилъ на голосъ соловьиный,
И, въ творческомъ какомъ-то полуснѣ,
Тамъ, одинокъ, блаженствовалъ вполнѣ.

Тогда еще Эдемъ воображенья
Божественной былъ полонъ чистоты.

Не грустныя въ немъ жили привидѣнья,
Но Гуріи прекрасныя — мечты!
Онѣ меня предательски ласкали,
И ихъ рѣчей ловилъ я жадно звонъ,
Волшебницы на душу накликали
Плѣнительный о будущности сонъ....

Я вѣрилъ имъ, я жаркими руками
Восторженно цѣвницу обнималъ,
Хотя еще подъ слабыми перстами
Нестройный звукъ на струнахъ трепеталъ. —
Но сладко жилъ я въ гордомъ упованьи,
Пока еще предчувствовать не могъ,
Что самъ себя на вольное страданье
Младенчески-довѣрчивъ я обрекъ!...

IX.

Но чѣмъ еще вѣютъ знакомые звуки,
Что жгучая къ сердцу прихлынула кровь?
Въ немъ страхъ и надежда, и радость и муки,
Былое волненье, былая любовь!
Не снова ль блеснули подъ ризою ночи
Любовью и нѣгой прекрасныя очи,
Не вѣютъ ли кудри душистыхъ власовъ,

Не слышится ль шорохъ знакомыхъ шаговъ?
Что медлишь, приди же, присядь къ изголовью,
Хранителемъ-духомъ по прежнему будь,
И нѣжною лаской и тихой любовью
Недугъ мой исторгни, согрѣй мою грудь!

X.

Разомъ смолкнулъ соловей,
Гдѣ же призраки, гдѣ грезы,
И зачѣмъ блеснули слезы
Умиленья изъ очей?
Я ищу моихъ видѣній,
Но въ волнахъ вечерней тѣни
Утонула даль равнинъ,
Тихо!... пусто!... *я одинъ!*....

Тяжко слово роковое
Въ глубину души падетъ,
Но, какъ гробъ, опять въ покоѣ,
Грудь отвѣта не даетъ;
Такъ скалы чело сѣдое,
Какъ гроза его сорветъ,
Чрезъ гранитныя ступени
Въ бездну падаетъ, гдѣ волнъ

Безъ сіянья и безъ тѣни
Крутояръ гніющихъ полинъ, —
Гулъ кремнистаго обрыва
Глухо вторитъ глубина,
Но обломки безъ отзыва
Приметъ мертвая волна!

СИРОТКА.

МАЛЬЧИКЪ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ стало поздно; все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ страшно здѣсь....

ПОСЕЛЯНКА.

Господь съ тобой!

МАЛЬЧИКЪ.

Кругомъ кладбище; по долинѣ
Однѣ могилы да кресты....

ПОСЕЛЯНКА.

Вотъ храмъ Господень посрединѣ.
Перекрестись.... Ну, что же ты?

МАЛЬЧИКЪ *(жмется къ ней)*.

Потише! Видишь ли, родная,
Вонъ что-то черное встаетъ?...
Все пуще страхъ меня беретъ.
Мертвецъ!...

ПОСЕЛЯНКА *(оглядывается)*.

Гдѣ? Троица Святая,
Помилуй насъ!.... Пойдемъ.... Ахъ, нѣтъ,
Ты испугалъ меня, мой свѣтъ!
Навѣрное сиротка наша
Зашла сюда. И вправду!

(Подходятъ къ дѣвушкѣ, сидящей на могилѣ).

Параша!

ДѢВУШКА.

Кто звалъ меня? Мой братъ, не ты ли
Услышалъ плачъ мой и въ могилѣ?...

Нѣтъ, не дождусь отвѣта я!
Нажала грудь его земля! *(плачетъ).*

ПОСЕЛЯНКА.

Дитя мое!

ДѢВУШКА *(равнодушно).*

Кто здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Ужели
Узнать не можешь ты меня?

ДѢВУШКА.

Ахъ, это ты! Узнала я.

ПОСЕЛЯНКА.

Чу! слышишь, пѣтухи пропѣли.
Вѣдь это полночь! Спать пора.
Пойдемъ; пробудь хоть до утра
У насъ въ избѣ....

ДѢВУШКА.

Зачѣмъ отсюда?
Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.
Идите съ Богомъ по домамъ;
Гостить здѣсь не у кого вамъ.

ПОСЕЛЯНКА.

А ты въ гостяхъ?

ДѢВУШКА.

Я здѣсь у брата.
Со мною онъ! Одна отрада
Надъ нимъ проплакать день и ночь....

ПОСЕЛЯНКА.

Слезами горю не помочь.
Послушай.

ДѢВУШКА (*задумчиво*).

Въ утреннемъ туманѣ,
Нарву цвѣтовъ ему заранѣ,
И канетъ, прежде чѣмъ роса,
Къ нему на грудь моя слеза....

ПОСЕЛЯНКА.

Пойдемъ!

(Отрываетъ ее насильно отъ могилы и уводитъ).

И спутница младая
Идетъ, сама не понимая,
Куда, зачѣмъ. Ей всё равно, —
Всё горе на̀ сердцѣ одно!
Пришли въ село: въ избушку вводятъ
Ее по темнымъ ступенямъ,
И вотъ покой: лучины тамъ
Горятъ, и свѣтъ кругомъ наводятъ.
Очнулась гостья.

ДѢВУШКА.

Гдѣ же я?

ПОСЕЛЯНКА.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.
Садись поближе къ этой чашѣ.
Ты голодна?

ДѢВУШКА.

Пусти меня!
Мнѣ тяжко здѣсь; дышу насилу;
Пусти на братнину могилу,
Мнѣ легче тамъ, мнѣ лучше тамъ *(бѣжитъ къ дверямъ).*

ПОСЕЛЯНКА.

Напрасно рвешься ты къ дверямъ,
Не отопру. Хоть по неволѣ
Ты у меня пробудешь долѣ.
Дитя! повѣрь мнѣ, ты больна,
И день и ночь не знаешь сна....
Но вотъ постель тебѣ готова.
Ложись.
И болѣе ни слова.
Лучина вмигъ погашена.
Легла сиротка по неволѣ,
И о своей печальной долѣ
Опять задумалась она.
Мечты смѣшались; какъ ни больно
Ей было на сердцѣ, но сонъ
Смѣжилъ глаза ея невольно,
Хоть не принесъ отрады онъ, —

И тѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ:
Уста лишь жалобы однѣ,
Да имя брата лепетали.
И тотъ, кто ей такъ дорогъ былъ,
Во снѣ явяся говорилъ:
«Сестра, не плачь, не плачь, сестра,
«По мнѣ отъ утра до утра.
«Мнѣ дорогъ даръ твоей любви,
«Но слезы въ тягость мнѣ твои;
«Огнемъ онѣ текутъ по мнѣ,
«И весь горю я какъ въ огнѣ.
«Взгляни на саванъ: видишь, онъ
«Слезами жаркими прожженъ!
«Сестра, въ залогъ своей любви,
«Ты Бога долѣ не гнѣви;
«Не плачь напрасно надо мной, —
«И сладокъ будетъ мой покой!»

Она проснулась. Смутный взоръ
Искалъ вокругъ любимой тѣни:
Ея мучительныя пени
Ей въ душу врѣзались. Съ тѣхъ поръ
Она томилась и вздыхала,

Возведши взоръ на небеса,
Но никогда ея слеза
На память брату не блистала.

И черезъ годъ она пошла
Опять на братнюю могилу.
Тамъ было тихо; и насилу
Ее узнать она могла:
По ней узорчатой грядою
Блистали яркіе цвѣты,
Да разрослися полосою
Травы заглохшіе кусты;
И безопасно въ ихъ срединѣ,
Въ надеждѣ мира и тепла,
На лѣто гостья въ той долинѣ,
Гнѣздо малиновка вила.

ПОЭЗІЯ И ЖИЗНЬ.

Невидимкою слетая
Въ заполуночной тиши,
Чаровница молодая
Не тревожь моей души;
Пощади меня, Сильфида,
Я страшусь любви твоей,
Отомщаетъ Эвменида
Каждый звукъ твоихъ рѣчей!

Нѣтъ! волшебница не внемлетъ, —
Приближается она....
Грудь, я чувствую, объемлетъ
Животворная весна,
Ароматъ во мракѣ вьется,

Арфа въ воздухѣ звучитъ,
Звонъ роскошно въ душу льется,
Будто Ангелъ говоритъ!

«Снова ль рѣзвою игрою
«Хочетъ сердце обмануть,
«Обольстить меня мечтою
«Упованіемъ блеснуть?
«Нѣтъ! молю, въ залогъ свиданья
«Вырви слезы изъ груди,
«И хоть жизнь воспоминанья
«Прежде сердцу возврати!»

Ты.... Но жертвенникъ разбитый
Кто опять возстановилъ?
Огнь угасшій, огнь забытый
Мимолетомъ оживилъ?....
Въ ризѣ пара голубова
Предстоящій міръ бѣжитъ,
И доступнымъ раемъ снова
Міръ минувшаго открытъ!

Тѣ цвѣты, что рано свяли,
Что безсильною росой,

Тщетно слезы окропляли,
Оживаютъ предо мной;
Снова пышны, снова блещутъ,
Вновь, музыка-ароматъ,
Звуки въ лонѣ ихъ трепещутъ,
Въ звукахъ образы кипятъ.

Кто вы райскія видѣнья
Дѣвы чистой красоты?
Не изъ царства ль вдохновенья
Воплощенныя мечты?
То сквозь сумракъ арфы ваши
Блещутъ солнечнымъ лучемъ,
То рубиновыя чаши
Звѣздъ трепещущимъ огнемъ....

Долу, дивныя, коснулись,
Блещутъ, вьются вкругъ меня,
На призывъ ихъ встрепенулись
Перси полныя огня,
Подъ вліяньемъ вдохновеннымъ
Чашъ и звуковъ и цвѣтовъ,
На треножникѣ священномъ
Вновь я жертвовать готовъ....

Но зачѣмъ огонь блѣднѣетъ,
Паръ бѣжитъ отъ алтаря?
Не прохлада ль утра вѣетъ,
Не блеснула ль тамъ заря?
Чьи пронзительные крики
Воздухъ воплемъ потрясли,
Что за пасмурные лики
Появилися вдали?

Сквозь послѣдній сумракъ ночи
Узнаю предтечей дня,
Ихъ пронзительные очи
Леденятъ и жгутъ меня;
Гаснетъ пламень вдохновенья
Подъ размахомъ бурныхъ крылъ,
И святыя пѣснопѣнья
Дерзкій хохотъ заглушилъ!

Разомъ смолкнули напѣвы,
Стихнулъ пиршественный звонъ,
Прочь испуганныя дѣвы
Разлетаются какъ сонъ —
Тщетно ихъ молю и кличу —
Утопаютъ въ блескѣ дня —

И мучителямъ въ добычу
Беззащитно преданъ я!

Сдвинутъ вихремъ ядовитымъ
Съ громомъ жертвенникъ мой палъ,
Звонъ по арфамъ позабытымъ
Разногласный пробѣжалъ,
И, съ предсмертнымъ содроганьемъ,
Отлетаетъ жизнь струны,
И язвительнымъ дыханьемъ
Вновь цвѣты поражены.

И — двойникъ неумолимый —
Кто-то слухъ терзаетъ мой
И насмѣшкой нестерпимой,
И бездушной клеветой;
То замру я леденѣя,
То очувствуюсь въ огнѣ,
Будто коршунъ Прометея
Разрываетъ сердце мнѣ!

НЕВѢСТА.

Омрачили небо юга
Буря осени и ночь,
На дворѣ мятель и вьюга;
Отъ жилья далеко прочь
У Днѣпра стоитъ избушка,
Въ ней убогая старушка
Сторожитъ больную дочь.

На раздольи вѣтеръ шумный
Дико воетъ и свиститъ,
Дочь проснулась, взоръ безумный
Вспыхнулъ разомъ...

ДОЧЬ.

Кто стучитъ?
Слышишь.... голосъ?

МАТЬ.

Я не слышу!
Только вѣтеръ ломитъ крышу
И соломою шумитъ....

ДОЧЬ.

Кто-то свищетъ, что-то скачетъ...
Ближе, ближе.... вотъ затихъ —
Торопись! невѣста плачетъ,
Торопися мой женихъ!

МАТЬ.

Не пугайся! это вьюга
Постучалася въ окнѣ,
Съ Богомъ!... спи....
Но жаръ недуга
Мучитъ бѣдную; однѣ
Съ нею грезы дни и ночи;
Милый образъ водятъ очи,

Милой рѣчи внемлетъ слухъ,
Ждетъ его, а онъ...
Но вдругъ
Вѣтеръ въ дверь ударилъ съ силой
И съ размаха растворилъ —
«Вотъ онъ! вотъ! бѣгу, мой милый!»
И, собравъ остатокъ силъ,
Съ ложа бросилась больная
Въ дверь — и вонъ!.... Полуживая
Кличетъ въ слѣдъ старушка-мать:
Дочь ушла!.... и на кровать
Пала, бѣдная, рыдая...

Ночь прошла, снѣга легли,
Но въ Днѣпрѣ еще кипѣло,
И безчувственное тѣло
Волны къ берегу несли.
Трупъ страдалицы нашли:
И понынѣ видно мѣсто
Двухъ могилъ межъ липъ густыхъ,
Тамъ — печальная невѣста,
Рядомъ съ ней — ея женихъ!...

НА РАЗВАЛИНАХЪ

ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КІЕВѢ.

Зачѣмъ тревожить сонъ гробовъ,
Могилъ священное молчанье,
И повѣрять бытописанье,
Стряхая съ камней пыль вѣковъ?
Все та же истина: отъ вѣка
Иной намъ опытъ не открылъ,
Мы видимъ крѣпость Вышнихъ Силъ
И всю ничтожность человѣка!
А время! Кто его сочтетъ?
Оно до насъ существовало,
Исчезнемъ мы — оно сольетъ
Съ своимъ концомъ свое начало,
Какъ на гранитѣ гробовомъ
Змѣя согнутая кольцомъ!

СТРАННИКИ.

Два странника приходятъ въ Римъ:
На каждомъ рубище простое
И каждый голодомъ томимъ,
Изнемогая въ лѣтнемъ зноѣ.

На перекресткѣ сталъ одинъ
И робко молитъ: ради неба,
Прохожій, будь христіанинъ,
Я весь измученъ, я безъ хлѣба!

И взоръ страдальца выражалъ
Надежду, страхъ и стыдъ и муку,
Но жадно трепетную руку
Онъ къ подаянью простиралъ.

Какъ будто чуждъ сей тяжкой доли,
Другой, недвиженъ и угрюмъ,
Стоялъ исполненъ важныхъ думъ,
Возведши взоръ на капитолій....

Лѣта вращались чередой
Въ воображеніи кипящемъ,
Казалось, зрѣлъ онъ въ настоящемъ
Завѣтъ минувшаго святой;

И какъ во снѣ, вѣковъ пучина
Разверзлась съ шумомъ передъ нимъ,
И Римъ могучій, древній Римъ
Блеснулъ въ порфирѣ властелина.

И странникъ съ жадностью припалъ
Къ стопамъ священной тѣни Рима....
И кто бъ въ пришельцѣ не узналъ
Въ тотъ мигъ Творца Ерусалима!

ПРОТИВУПОЛОЖНОСТИ.

Люблю тебя: твой разговоръ,
Раздумья сладостнаго полный,
Игривъ и чистъ, какъ съ кручи горъ
На долъ скатившіяся волны;
Твоя краса — весенній цвѣтъ,
Ему и хладъ и зной опасенъ —
И для тебя твой полдень ясенъ,
Какъ для другихъ одинъ разсвѣтъ!
Твой умъ какъ будто съ чувствомъ въ спорѣ,
Страстей какъ будто ты чужда, —
Лишь ненарокомъ иногда
Огонь зажжется въ томномъ взорѣ,
Но какъ падучая звѣзда
Блеснетъ и гаснетъ.... И съ тобою
Безпеченъ, свѣтелъ я душою

И будто счастливъ.... Но когда
Твоя соперница предъ нами,
Съ восточной роскошью кудрей,
Съ своими жаркими очами,
Съ огнемъ томительныхъ рѣчей, —
Ты клонишь голову стыдливо,
При ней едва замѣтна ты;
Какъ слабый отблескъ красоты
Роскошной, гордой и ревнивой....
Такъ мѣсяцъ, свѣтлый гость ночей,
Съ зарею встрѣтясь на разсвѣтѣ,
Теряетъ блескъ своихъ лучей
И утопаетъ въ чуждомъ свѣтѣ!

МЕЛОДІЯ.

I.

Есть чудная арфа, съ колыбели она
До самой могилы играетъ,
Сокрыта глубоко, не видна, но слышна,
Нигдѣ, никогда не смолкаетъ.

II.

Покорствуютъ струны волшебнымъ перстамъ;
На пѣсню пѣснь рѣдко походитъ —
Споетъ лишь про нѣгу и радость — а тамъ
Печальную пѣсню заводитъ.

III.

И чаще печаленъ таинственный звонъ, —
И струны слабѣютъ день со дня,
Заутра не будетъ такъ сладостенъ онъ,
Такъ полонъ и чистъ, какъ сего дня!

IV.

Но горе тому, кто со страхомъ внималъ
Укоромъ звенящія струны,
Язвятъ онѣ душу, какъ тѣло кинжалъ,
И, слабы — гремятъ какъ перуны!....

V.

И вѣчное горе тому, кто средь мукъ,
Смѣжая на вѣкъ свои вѣжды,
Услышитъ зловѣщій, мучительный звукъ,
Не сладкую пѣсню надежды!

VI.

Сей арфѣ есть имя! О дѣва, приди
Къ любимцу по долгой разлукѣ,
Взыграетъ та арфа въ дрожащей груди —
Узнаешь сердечные звуки!

VII.

И ты звукамъ сердца внемли, о пѣвецъ,
Проникни ихъ тайну святую,
Тогда лишь безсмертье навинетъ вѣнецъ
На лиру твою вѣковую!

СОНЕТЪ.

Имъ весело; они другъ другу рады,
Средь нихъ лишь я безмолвенъ и унылъ,
И гордо ихъ докучливые взгляды
Молчаніемъ суровымъ отразилъ.

Не въ нихъ искать участья и отрады:
И я слезу-предательницу скрылъ,
Но мыслію, которой нѣтъ преграды,
Я близъ тебя, мой добрый Ангелъ былъ!

О вѣрь, мой другъ, не мысль одну, желалось
И душу всю къ тебѣ перенести,
Чтобъ надъ тобой повсюду раздавалось

Печальное, послѣднее прости!
Чтобъ и твое мнѣ сердце отозвалось,
И грусть по мнѣ легла въ твоей груди!

КЪ Х. Х. Х.

Вездѣ преслѣдовать готова
Мечта ревнивая тебя,
И будто праздника святова
Съ тобою встрѣчи жажду я.
Но сердцу въ тягость встрѣча эта
Какъ зной томительнаго лѣта!
На очи мнѣ палящій взглядъ
Наводишь ты безъ состраданья,
И при тебѣ однѣ желанья
Въ груди трепещущей кипятъ!
Такъ, ночью лѣтнею, младенца,
Земли роскошной поселенца,
Звѣзда манитъ издалека —
Но онъ къ ней тянется напрасно,
Звѣзды блестящей и прекрасной
Не досягнетъ его рука!...

ОТВѢТЪ.

Не говори завиденъ даръ
И вдохновенiе поэта,
Не вѣченъ въ немъ священный жаръ,
Имъ грудь не часто разогрѣта!
Какъ много дней цвѣтущихъ онъ
Въ безплодныхъ замыслахъ утратитъ,
И рѣдко вдохновенный сонъ
Его созданiя освятитъ.
Въ мiръ необъятый, въ мiръ иной
Перелетя воображеньемъ,
На мiръ существенный съ презрѣньемъ
Глядитъ, какъ житель не земной,
И часто грудь его страдаетъ:
Не зная радостей земныхъ,
Онъ ихъ надменно отвергаетъ,
А замѣнить не можетъ ихъ.

ВЕЧЕРЪ.

Мой другъ! прижмись къ моей груди,
Не убѣгай отъ взоровъ страстныхъ,
И отъ очей твоихъ прекрасныхъ
Густые кудри отведи!
Смотри: тамъ солнце потухаетъ,
По небу темному едва перебѣгаетъ
Станица легкихъ облаковъ,
И тѣнь легла на скатъ холмовъ
И тихо все... Теряясь въ наслажденьи,
Я чувствую, я слышу въ отдаленьи
Созвучье стройное міровъ...
Но ты недвижна, ты безъ словъ,
Погружена въ унылое мечтанье,
Печально взоръ потупленъ твой,

И подъ рѣсницею густой
Слезы примѣтно трепетанье...
Скажи, мой другъ, воспоминанье
Тоскою грудь твою тѣснитъ,
Или о будущемъ неясное гаданье
Тебя тревожитъ и томитъ?
О не страшись! томительнымъ сомнѣньямъ
Своей души не предавай,
Живи минутнымъ наслажденьемъ,
О томъ, что ждетъ насъ, не гадай!
Быть можетъ, (ввѣримся судьбинѣ)
Нашъ день безбурно пробѣжитъ,
И такъ же радостно, какъ нынѣ,
Нашъ тихій вечеръ догоритъ.

СОНЕТЪ.

Свинцовымъ туманомъ натиснуто море,
Въ дремотѣ безсильной раскинулся валъ,
Онъ юношей буйнымъ гулялъ на просторѣ—
Его, какъ младенца, туманъ спеленалъ.

Подобно туману безмолвное горе,
Когда съ нимъ бороться страдалецъ усталъ,
Тотъ гордый страдалецъ, кто въ медленномъ спорѣ
Терпѣньемъ и волей судьбу раздражалъ.

Но вѣтеръ развѣялъ туманъ темнокрылый,
Свободна, какъ прежде, воздвиглась волна,
И мѣряетъ съ вѣтромъ отвагу и силы.

Минуетъ и горе — но тяжкаго сна
Слѣды остаются въ душѣ до могилы,
И мысль противъ рока возстать не сильна!...

ПОРТРЕТЪ.

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри темнорусы,
Нарядъ небрежный и простой.
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Раждаетъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

МЕЛОДІЯ.

I.

Не брату копаю могилу,
Не друга землѣ предаю:
Но чтобы избѣгнуть утраты,
Я душу бы отдалъ мою!

II.

О чемъ же въ груди моей слезы?
О чемъ неутѣшна печаль?
Мнѣ въ радость утраченной вѣры
Въ жизнь вѣры утраченной жаль.

III.

Коварно волшебницы-грезы
Изъ розъ на насъ цѣпи плетутъ,

Увѣнчанъ какъ къ пиру — не къ пиру,
Подъ ножъ эти розы влекутъ!

IV.

За то, что довѣрчиво жизни
Въ обманъ себя сердце даетъ,
За то, что прелестницѣ вѣримъ,
Насъ кара жестокая ждетъ.

V.

Насъ опытъ встрѣчаетъ какъ жертву,
Но опытъ не жрецъ, а палачъ,
Съ насмѣшкой онъ точитъ сѣкиру —
И тщетны молитвы и плачъ.

ГЕНІЙ.

Ницъ завистливое око,
Прочь коварные силки!
Я далеко, я высоко,
Крылья сильны и легки.
Пусть недвижно все въ туманѣ,
Пусть земля объята сномъ,
Встрѣчусь я одинъ заранѣ,
Первый, съ солнечнымъ лучемъ!

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Когда въ пророческомъ видѣньи
Гляжу таинственно я вдаль,
И разсѣваетъ вдохновенье
Души заботливой печаль,
Я мыслю: пусть насъ жизнь обманетъ,
Нашъ сонъ разсѣетъ золотой,
Но не остынетъ, не увянетъ
Союзъ нашъ братскій и святой!
Судьба разброситъ насъ далече —
Сойдемся жь вновь, когда нибудь, —
И какъ тепло при этой встрѣчѣ
Опять забьется наша грудь!
О да! Сомнѣньемъ не разрушу
Надежды радостной моей:

Мы сохранимъ въ судьбѣ своей,
И подъ сѣдиной, ту же душу,
И то же сердце для друзей!

ЦВѢТЫ ЛЮБВИ.

—

Незнакомою дорогой
Шелъ по колкимъ тернамъ я,
Тихо, пусто и убого
Было все вокругъ меня.

Надо мной ходили тучи —
Вдругъ незримая рука,
Съ высоты на тернъ колючій,
Уронила два цвѣтка.

Яркой, утренней росою
Изъ цвѣтовъ блисталъ одинъ,
Онъ бы лучшей красотою
Былъ роскошнѣйшихъ долинъ,

Если бъ (прелесть не земная)
Онъ въ садахъ Эдема цвѣлъ,
Вѣрно бъ Ангелъ, житель рая,
Въ свой вѣнокъ его заплелъ.

Я стоялъ — мой взоръ окованъ
Былъ волшебной красотой. —
Что же? долго ль очарованъ
Я и нѣгой, и мечтой?

Вѣтеръ свиснулъ — и по волѣ
Цвѣтъ ревниво обхватя,
Онъ занесъ въ глухое поле
Сада пышное дитя!

Стало грустно, — но въ отраду
Мнѣ оставленъ цвѣтъ другой,
Онъ красою блещетъ взгляду,
Но не утренней красой.

Есть глубокая примѣта
Преходящаго на немъ,
Грудь его была согрѣта
Лѣта знойнаго огнемъ.

День еще — и онъ завянетъ,
И заутра, съ высóты,
Перлъ росы безплодно капетъ
На изсохшіе листы!

МЕЛОДІЯ.

I.

Какъ очи изсякнутъ, какъ перси изноютъ,
Веселые звуки души не настроютъ!
Летитъ, этихъ персей не трогая, звукъ
Какъ духъ-утѣшитель надъ бездною мукъ!
Вы жизнь ему дали, но не дали силу
Зажечь своей жизнью живую могилу.

II.

Гдѣ жъ тайна искуства? зачѣмъ не во власти
Дать звуку порывъ необузданной страсти,
Чтобъ могъ овладѣть онъ насильно душой,
И, если земной не подастъ ей отрады,
Пусть грустнаго плѣна разрушитъ преграды,
И душу изторгнувъ, влечетъ за собой!....

УТОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ полно! сердце воли проситъ!
Прочь, прочь отъ свѣтской суеты!
Усталый странникъ переноситъ
Во глушь полей свои мечты.
Есть наслажденія въ пустынѣ,
Душа разгадывала ихъ,
Но не влекли онѣ донынѣ
Непостоянныхъ грезъ моихъ;
Къ кумиру свѣтскому прикованъ,
Невѣрнымъ блескомъ очарованъ,
Я ждалъ такъ много отъ него
И не дождался ничего!

Прости же, призракъ мой! отнынѣ
Ты не уловишь сердца вновь,

Души въ таинственной святынѣ
Иная вспыхнула любовь,
Манятъ меня иныя грезы
Туда, въ привольные луга,
Гдѣ кроютъ ивы да березы
Прозрачной рѣчки берега,
Гдѣ съ мельницъ быстрыми кругами
Клубитъ сребристый водопадъ,
Гдѣ кони ходятъ табунами,
И стадо дѣти сторожатъ,
Гдѣ вдоль цвѣты благоухаютъ,
Скользятъ по зелени ручьи,
И звучной пѣснью окликаютъ
Окрестъ другъ друга соловьи....

Тамъ жизнь роскошно, безъ покрова,
Предстанетъ въ новомъ цвѣтѣ мнѣ,
И ей быть можетъ будетъ снова
Отзывъ въ сердечной глубинѣ,
И можетъ быть въ часы, какъ тѣни
Наводятъ длинно дерева,
Вновь поэтическихъ видѣній
Вскружится въ вихрѣ голова,
И благосклонная Сильфида,

Какъ древле дѣва-Аспида,
Разочаруетъ струны вновь,
И силой творческой согрѣта,
Въ груди воскреснувшей поэта,
Взыграетъ радостная кровь.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Узникъ ждетъ конца неволи,
Ждетъ малиновка весны,
Я не жду ни лучшей доли,
Ни весенней тишины.

Путь свершаю понемногу
По дорогѣ бытія,
День прошелъ, и слава Богу,
Если слезъ не пролилъ я!

Если долгое забвенье
Глухо на душу падетъ,
Если въ темномъ отдаленьи
Тѣнь минувшаго блеснетъ.

Но когда во мракѣ ночи
Слышу страстный разговоръ,
И любовью полны очи
Встрѣтитъ мой потухшій взоръ,

Сердцу душно, сердцу больно,
Камнемъ на сердцѣ тоска —
И къ очамъ тогда невольно
Подымается рука....

Пусть же такъ, какъ волны въ Летѣ,
Охладѣетъ въ сердцѣ кровь,
Чтобъ забылъ я, что на свѣтѣ
Есть и дружба и любовь!

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Въ какомъ недугѣ я тоскую,
Неизъяснимо для меня:
Въ раздумьи грустномъ тьму ночную
Я предпочелъ свѣтилу дня;
Какъ все окрестъ меня утихнетъ
Глубокой ночи посреди,
Порой мгновенный пламень вспыхнетъ
Въ моей встревоженной груди,—
И то, что темной пеленою,
Еще завѣшено отъ глазъ,
Такъ ярко свѣтитъ предо мною,
Пока сей пламень не погасъ,

И мнится мнѣ, предъ книгой рока
Въ священномъ страхѣ я стою,
Или внемлю изъ устъ Пророка
Судьбу грядущую мою.

ФИРДУСИ.

Любимый гордымъ властелиномъ,
Въ садахъ гарема ходитъ онъ,
Одеждой пышной облаченъ,
Въ чалмѣ, увѣнчанной рубиномъ.
Къ его напѣвамъ клонитъ слухъ
Славолюбивый повелитель;
Гдѣ онъ, тамъ радостнѣе вдругъ
Гарема грустная обитель!...

Но день величія бѣжитъ,
Какъ день печальнаго забвенья.—
Пѣвецъ! пѣвецъ! и ты забытъ
И носишь иго посрамленья!
Пески, пустыни исходивъ,
Влечешь ты дни свои какъ цѣпи,

И, какъ безжизненныя степи,
Ты сталъ и дикъ, и молчаливъ.
Молилъ ты смерти — и рыдая
Внималъ мольбѣ твоей отецъ,
Но усладила ль твой конецъ
Слеза участія родная?...
Скажи, пѣвецъ, что слава? — «Дымъ!»
Людей мудрецъ холодный учитъ —
О нѣтъ! кто славой былъ томимъ,
Безъ славы жизнію наскучитъ!

СОНЕТЪ.

Не потому томительнымъ видѣньемъ,
Во снахъ твоихъ блуждаетъ образъ мой,
Что можетъ быть, съ тоскою и волненьемъ
Ты обо мнѣ подумаешь порой,

Но отъ того, что часто съ напряженьемъ,
Въ ночи безъ сна, къ тебѣ стремлюсь мечтой,
И увлеченъ я весь воображеньемъ
И съ сномъ твоимъ сливаюся душой.

Прости меня! Невольной, неизбѣжной,
Я предаюсь мечтѣ моей вполнѣ,
Я бы хотѣлъ, чтобъ призракъ мой мятежной

Не говорилъ о милой старинѣ; —
Но ты простишь: не ты ль сама такъ нѣжно
Объ этихъ снахъ разсказывала мнѣ!...

ЖРЕБІЙ.

Къ чему печальное сомнѣнье?
Загадка жизни рѣшена....
Мнѣ указало Провидѣнье,
Какая участь мнѣ дана!
Любви и славы и свободы
Люблю таинственный призывъ,
И для меня языкъ природы
Обиленъ и краснорѣчивъ!...
Ему внимая, сердце бьется,
Всей жизнью юною своей,
И тихо изъ души моей,
Сама собою, пѣсня льется.

Предавъ судьбѣ мой свѣтлый вѣкъ,
Я объ одномъ молю у рока,
Чтобъ умереть не могъ до срока
Во мнѣ поэтъ и человѣкъ!

РАЗЛИВЪ ДНѢПРА.

Блистателенъ, роскошенъ и могучъ
Весною Днѣпръ; съ песчанистаго ложа
Встаетъ, и волнъ обиліе умножа
Потоками падущими изъ тучъ,
Онъ пѣнитъ грудь, бѣжитъ какъ изступленный,
И на лугахъ ложится утомленный....

Былъ древле вождь, достойный слезъ и струнъ,
Нашъ Святославъ, нашъ богъ на полѣ брани,
Сосѣда бичъ, неодолимъ и юнъ,
Съ него онъ бралъ насильственныя дани.
Таковъ и Днѣпръ — онъ селы, рощи рветъ
И на хребтѣ торжественно несетъ.

Когда жъ въ поляхъ дохнутъ тепло и нѣга,
Какъ небосклонъ безоблаченъ и живъ,
Тогда Днѣпра блистательный разливъ
Дрожитъ, какъ грудь усталаго отъ бѣга,
И въ небеса лазурныя влюбленъ
Онъ силится обнять весь небосклонъ.

МЕЛОДІЯ.

(М. В. ЮЗЕФОВИЧУ).

Мѣсяцъ! другъ моихъ ночей,
Томный блескъ твоихъ лучей
Для чего разсыпалъ ты
На могилы и кресты?
Пусть, чернѣе враньихъ крылъ,
Вѣетъ мгла окрестъ могилъ,
Чтобъ унылый видъ гробовъ,
Въ часъ какъ бодрствуетъ любовь,
Не навелъ печальныхъ думъ
Двумъ любовникамъ на умъ!
Чтобы въ часъ, какъ, стражъ нѣмой,
Льешь ты зыбкій пламень свой
На влюбленную чету —

Сквозь ночную темноту
Не блеснулъ ея очамъ
Лучъ бродящій по крестамъ,
И креста нѣмой глаголъ
Мысли грустной не навелъ,
Что забвенья сонъ пройдетъ,
Что потухнетъ въ свой чередъ
Тѣхъ очей живыхъ чета,
Что остынутъ тѣ уста,
На которыхъ сей же часъ
Поцѣлуй горѣлъ и гасъ,
Что и въ сердцѣ, гдѣ одинъ
Милый образъ властелинъ,
Властелиномъ наконецъ
Будетъ червь — гробовъ жилецъ!....

Мѣсяцъ, мѣсяцъ! отъ гробовъ
Скройся въ сумракъ облаковъ,
Пусть во мглѣ стоятъ кресты!
Но, любви свѣтило, ты
Полнымъ блескомъ озари
Ложа — нѣги алтари....
О! будь я твоимъ лучемъ,
Яркій въ сумракѣ ночномъ,

Я бъ роскошно съ высоты
Палъ на ложе красоты,
По ланитамъ, по плечамъ,
По раскинутымъ кудрямъ,
Долго, долго бъ я блуждалъ,
На устахъ ея дрожалъ,
И разсвѣта въ грустный часъ
На груди бъ ея угасъ!

ОТВЕРЖЕНІЕ.

Обитель мира и святыни,
Была душа моя свѣтла,
Пока любовь, какъ вихрь пустыни,
Ее грозой не потрясла.

Гроза минула, я печаленъ
Гляжу рушительницѣ вслѣдъ,
И озарилъ гряду развалинъ
Воспоминанья блѣдный свѣтъ.

Свершилось! хладомъ отверженья
Я подавлю мои мечты, —
Я самъ увядшіе цвѣты
Накину саваномъ забвенья....

Такъ съ чувствомъ скорби и любви
Мы тѣло друга провожаемъ,
И съ труднымъ мужествомъ бросаемъ
На милый пепелъ горсть земли!...

ЖЕЛАНІЕ.

Мнѣ Богъ послалъ ее въ отраду,
Я къ ней младенчески привыкъ,
И противъ горестей ограду
Нашелъ я въ жизни — но на мигъ!
Теперь и мрачно и уныло
Печальный взоръ ее слѣдитъ:
Такъ умирающій глядитъ
На заходящее свѣтило.
Надежда гаснетъ, грудь моя
Утомлена сердечной битвой,
И каждый день встрѣчаю я
Одной, послѣднею молитвой:
Чтобъ страсти пламенной, живой,
Хоть искра въ грудь ея запала,
Чтобы влюбленною душой,

Она въ мечтахъ изнемогала,
Но другъ невѣрный не спѣшилъ
Къ ней на свиданье, въ день условный,
И за любовь ея платилъ
Одной измѣной хладнокровной!

ПОЭТУ.

Не смѣй себя именовать Поэтомъ,
Не призывай благословеній музъ,
Пока еще ты очарованъ свѣтомъ,
Пока съ людьми корыстенъ твой союзъ;
Хвалою ихъ и лестью избалованъ,
Ты дани имъ постыдныя несешь,
И рабъ чужихъ страстей притворно ты поешь,
И чуждой прихотью твой смѣлый умъ окованъ.
Но если хартію святую бытія
Ты развернулъ безтрепетной рукою,
И не прельщенъ ни лестью, ни молвою,
Намъ высказалъ всѣ таинства ея,
Когда твое испытанное око
Природы грудь проникнуло глубоко,
И отдѣливъ себя волшебною чертой,

Ты сталъ посредникомъ межъ нею и толпой;
Тогда молись богамъ! Иди на подвигъ славной,
Исторгни говоръ струнъ рукой самодержавной,
И вѣрь, твой каждый звукъ могуществомъ своимъ
Какъ солнца жаркій лучъ землѣ необходимъ!

СОНЕТЪ.

(Ю. П. ПОЗНАНСКОМУ НА ПЕРЕВОДЪ СОНЕТА МИЦКЕВИЧА DO LAURY).

Любовь онъ пѣлъ печалью вдохновенный,
И чуждыхъ словъ не понялъ я вполнѣ,
И только былъ напѣвъ одноплеменный,
Какъ томный взоръ, какъ вздохъ, понятенъ мнѣ.

Но ты постигъ душою умиленной,
Что звуковъ тѣхъ таилось въ глубинѣ,
И скорбь души, страданьемъ утомленной,
Отозвалась и на твоей струнѣ.

И я внемлю понятному мнѣ звуку,
Какъ бы внималъ страдальцу самому,
И я бъ хотѣлъ съ участьемъ брата руку,

При встрѣчѣ съ нимъ, хоть разъ пожать ему,—
Мнѣ тотъ не чуждъ, кто зналъ любовь и муку
И кто ихъ пѣлъ по сердцу моему.

ПЕРВЫЯ СЛЕЗЫ.

Пламенѣла и блистала
Мірозданія весна,
Землю юную ласкала
Дней безбурныхъ тишина.

Свѣтлымъ сонмомъ, звучнымъ хоромъ
Звѣзды яркія текли,
И безплотные соборомъ
Облетали кругъ земли.

Всюду жизнь и ликованья!
Звученъ плескъ морей и рѣкъ —
Но одинъ среди созданья
Тихъ и грустенъ человѣкъ!

Съ ихъ музыкой звонкой, стройной,
Гимна слить не смѣетъ онъ,
Онъ въ минувшемъ безпокойной
Думой грустно погруженъ.

Все въ мечтахъ возобновилось:
Утро жизни, грѣхъ и казнь;
Сердце горестно стѣснилось,
Въ сердцѣ тяжкая боязнь!

«Все погибло, нѣтъ спасенья!
«Неизбѣженъ вѣчный сонъ!»
Вдругъ обѣтовъ искупленья
Озарился мыслью онъ.

Эта мысль, какъ лучъ средь ночи,
Блескъ дала его очамъ,
Онъ возвелъ невольно очи
Благодарный къ небесамъ,

И, какъ въ отблескѣ денницы,
Божья свѣтлая роса,
Тихо канула съ рѣсницы
Умиленія слеза....

Слезъ врачующую силу
Праотецъ благословилъ,
И въ возмездье за могилу
Внука плакать научилъ!

Съ той поры, когда украдкой
Слезы льются въ тишинѣ,
Такъ отъ нихъ легко и сладко,
Такъ врачуютъ грусть онѣ!...

НОЧЬ.

ИЗЪ НЕКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ: КОРОЛЬ РЕГНЕРЪ.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Нѣтъ на цѣломъ небосклонѣ,
Будто саванъ, мгла окрестъ
На земномъ простерлась лонѣ.
Это часъ, какъ вопли совъ
Выкликають мертвецовъ;
Отверзаются могилы,
Тѣни блѣдныя встаютъ.
Ихъ пріемлютъ враньи крилы
И къ предателямъ несутъ,
Чтобъ злодѣевъ и во снѣ
Втайнѣ мучили онѣ.
Это часъ, какъ бурной тучей

Въ молньяхъ вьется гнѣвный Торъ,
Или Сильфъ звѣздой падучей
Пробѣжитъ по скату горъ, —
Сѣмя сновъ, онъ на долины
Сыплетъ жаркіе рубины —
Зрѣетъ вмигъ его посѣвъ,
Сны встаютъ съ земнаго лона
И вѣнчаетъ спящихъ дѣвъ
Ихъ воздушная корона.
Это часъ, какъ на хребетъ
Скалъ, гдѣ вѣченъ снѣгъ нагорный,
Сходятъ царственныя Норны
На торжественный совѣтъ,
Голосъ ихъ звучитъ громами,
Очи ихъ мрачнѣе мглы,
И дрожатъ подъ ихъ стопами
Неприступныя скалы....

ЛЮБОВЬ ПОТУХЛА....

Любовь потухла; грудь тоскуетъ,
Въ душѣ, какъ прежде, пустота,
За то ее не очаруетъ
Любви тревожная мечта.
Какимъ-то пламеннымъ безумьемъ
Я былъ насильно увлеченъ —
Недугъ исчезнулъ — и раздумьемъ
Холодный умъ отягощенъ.
Предаться суетной надеждѣ
Я слабымъ сердцемъ не хочу,
За равнодушіе, какъ прежде,
Я равнодушіемъ плачу!

СМЕРТЬ НА ЧУЖБИНѢ.

Кого положили тутъ въ землю сырую?
Надъ кѣмъ эти вѣтви связали крестомъ?
Жилья тутъ не видно, могилу другую
Очами далеко не встрѣтишь кругомъ.
Здѣсь умеръ прохожій, не здѣшняго края
Двойной онъ окончилъ нечаянно путь,
Никто не заплакалъ, но всѣмъ намъ родная
Земля и пришельцу отверзнула грудь.

Давно позабыли о бѣдномъ чужіе,
Межъ тѣмъ, какъ далеко, въ предѣлѣ иномъ,
Быть можетъ подруга, друзья и родные
Ждутъ милаго гостя, ждутъ вѣсти о немъ —
Узнаютъ когда-то — и слезы польются.
Но къ милому пеплу слеза не прильнетъ,

Къ могилѣ ихъ вздохи по вѣтру пошлются,
Но вѣтръ охладитъ ихъ, пока донесетъ.

Пусть спитъ одинокій! Ему на чужбинѣ
Сонъ не былъ бы миренъ средь общихъ гробовъ,
Гдѣ сестры о братѣ, гдѣ матерь о сынѣ,
Гдѣ плачутся дѣти надъ прахомъ отцовъ.
Къ могилѣ жъ пустынной семьею цвѣтущей
Фіялки тѣснятся подъ тѣнью вѣтвей,
И райскую пѣсню о жизни грядущей
Надъ нею что вечеръ поетъ соловей.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Что въ сыромъ бору отъ солнышка
Снѣгъ златой росой разсыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами свѣтлыми;
Въ зимній холодъ любо солнышко,
На чужихъ людяхъ родной напѣвъ,
По неволѣ сердце всплачется,
Какъ съ ретивымъ сиротинушкой,
Пѣсня русская, унылая,
Что родная мать перемолвится.
Задушевной не наслушаться!
Словно пташка, что въ раю поетъ,
Заунывно сладкимъ голосомъ,
Грусть-тоску она баюкаетъ;

Не видать сквозь слезъ чужой земли,
А что думушка ль сердечная
Понесется невидимкою,
За сине́ море въ святую Русь!...
По былому по старинному
Добрый молодецъ въ родной землѣ,
Въ ноги палъ отцу и матери,
Съ старымъ другомъ поздоровался,
А что дѣвица-красавица
Въ торопяхъ бѣжитъ изъ терема,
Зарумянившись какъ маковъ цвѣтъ,
Радость высказать и слова нѣтъ,
Только съ милымъ обнимается,
Да сквозь слезы улыбается.

ОДЕССА.

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ОДЕССКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ А. П. ЛЕВШИНУ.

От семьи родной далеко,
Гдѣ глухая степь легла,
Мать Россія одинока
Дочь меньшую родила.

И среди тройной пустыни
Моря, неба и степей,
Словно сказочной дѣтинѣ,
Цвѣсть и жить досталось ей.

Кто же юную лелѣетъ?
Не отъ солнца ль Юга тамъ
И растетъ она и зрѣетъ
Не по днямъ, а по часамъ?

Нѣтъ! не южное свѣтило,
Но какъ старшихъ братьевъ встарь,
Дочь полудня осѣнило
Солнце Сѣвера — нашъ Царь!

Онъ любви своей лучами
Молодую осыпалъ,
Онъ испытанныхъ трудами
Добрыхъ пѣстуновъ ей далъ.

Вотъ она подъ ихъ покровомъ,
Подъ вліяньемъ ихъ труда,
Съ каждымъ годомъ, въ блескѣ новомъ,
Силы свѣжестью горда.

Край собой одушевила,
Мертвой степи жизнь дала,
Незнакомыя вѣтрила
Издалеча привлекла.

И отъ Запада на братство
Приняла она залогъ,
И даря свое богатство,
Поклонился ей Востокъ.

Иноземкою красивой
Нарядилася она,
Но въ груди своей спѣсивой
Чувству родины вѣрна.

И полна благоговѣньемъ
Къ покровителямъ своимъ,
Предлагаетъ съ умиленьемъ
Свой заздравный кубокъ имъ.

ПРИРОДА.

Цвѣтетъ она розой, летитъ мотылькомъ,
Въ дубровахъ, долинахъ поетъ соловьемъ,
Могучей пятой колеблетъ гранитъ,
И брызгами въ пропасть съ утеса летитъ.
Изъ сновъ развиваетъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуетъ песчаную степь,
Сливаетъ свой голосъ съ напѣвомъ духовъ,
И радугой блещетъ въ дыму облаковъ,
Надъ бездной воздушной чертогъ создаетъ,
И мысль человѣка и сердце зоветъ,
Но видима всюду, но всюду слышна
Лишь издали манитъ и кличетъ она:
Кто-жъ близко подходитъ, познаньемъ томимъ,
Волшебница бездну разверзнетъ подъ нимъ!

МЕЛОДІЯ.

I.

Ночи ризою обвитъ,
Духъ невидимый паритъ,
Но незримаго владыки
Море чуетъ перелетъ,
И привѣтствуютъ музыкой
Духа бури духи водъ.

II.

Духъ! возьми меня съ собой!
Какъ ни скованъ я съ землей,
Но сорвешь ты эти цѣпи —
Ты же валишь боръ къ стопамъ
И по прихоти полстепи
Мечешь пылью къ небесамъ!

III.

О, куда бъ ты ни летѣлъ,
Въ дружній, чуждый ли предѣлъ,
Обхвати меня крылами,
Молній блескомъ окружи,
И побѣдными громами
Вопли сердца заглуши!

IV.

Брось въ кипящую струю
Душу мертвую мою,
Думой бурь твоихъ достойной
Озари ее въ громахъ,
Дай ей пламень страсти знойной,
Иль сожги въ своихъ лучахъ!

ЖИЗНЬ.

Наперсница созданія Шекспира
Симфонія къ волшебству клонитъ умъ,
И за рубежъ существеннаго міра
Тебя влечетъ заранѣ звуковъ шумъ.
Тѣснится грудь, твое дыханье знойно
Чего-то ждетъ ревниво, безпокойно....
Вдругъ занавѣсъ трепещетъ и летитъ
И чудный міръ торжественно открытъ!

У береговъ шумя валы играютъ,
Вдоль стелется волнистая трава,

Тамъ свѣжихъ розъ кусты благоухаютъ,
Прохладою тамъ вѣютъ дерева,
И за моремъ въ сіяніи заката
Съ волнами слитъ прозрачный небосклонъ....
Искусства жизнь стройна, полна, богата,
И мертвый міръ въ живой преображенъ.

Вотъ и она, созданія корона,
Вотъ во плоти Шекспирова мечта —
Офелія, Миранда, Дездемона,
Изъ царства думъ живая красота;
Въ ея устахъ томительные звуки,
Ты предаешь невольно душу ей,
Въ тебѣ кипятъ ея восторгъ и муки,
И не живешь ты жизнію своей.

Вокругъ нее любви ли вьются грезы,
Съ ней таешь ты въ стремительномъ огнѣ,
Въ очахъ блеснутъ отчаянія слезы —
Ты чувствуешь, какъ сердце жгутъ онѣ....
Но если вдругъ Офелія-Лаиса
Кому нибудь условный броситъ взглядъ,
И ты поймешь, что очи говорятъ,
Кумиръ разбитъ, передъ тобой — Актриса!

И гибнетъ все съ основою мечты,
Какъ молнія и жжетъ и разрушаетъ
Разврата взглядъ личину чистоты,
И голосъ чувствъ притворныхъ оскорбляетъ!
Взволнуютъ грудь досада, злость и грусть,
Твоей души участье заглушаютъ,
Когда уста нечистыя читаютъ
Восторгъ, любовь и муки наизусть....

И гдѣ же міръ волшебствами обильный?
Гдѣ этотъ міръ божественно-живой?
Онъ въ рядъ кулисъ безжизненный и пыльный
Преобращенъ блѣднѣетъ предъ тобой!
И руша самъ въ конецъ очарованье,
Чтобы души утрату облегчить,
Ты силишься художника созданье
Насмѣшкою холодною убить!

СТАНСЫ.

Цѣною тяжкой даръ прозрѣнья
Избранникъ Божій покупалъ,
Когда онъ крѣпостью терпѣнья
Силъ человѣка выше сталъ.

Алмазный обручъ діадимы
Носить владыкѣ тяжело:
Подъ ней вѣнецъ, толпѣ незримый,
Терзаетъ терніемъ чело.

Царю подобенъ и пророку
Высокимъ жребіемъ пѣвецъ,
На немъ горитъ незримый оку
Въ лучахъ и терніяхъ вѣнецъ.

Его душа, томясь и ноя,
Волненья вѣчнаго полна,
Другимъ привычнаго покоя
Почти не вѣдаетъ она.

И часто скрытной, знойной муки
Чрезъ мѣру льется полнота,
Когда въ душѣ тѣснятся звуки,
А вторить немощны уста...

Но этихъ тягостныхъ мгновеній
Да молитъ мой усердный стихъ:
Залогъ грядущихъ вдохновеній
Быть можетъ втайнѣ зрѣетъ въ нихъ.

Смущенныхъ чувствъ минуетъ трепетъ,
Слова какъ волны хлынутъ вдругъ:
И будетъ то не дѣтскій лепетъ,
Но возмужалый, стройный звукъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дивы — демоны Персидской Миѳологіи.
Пери — духи не чистѣйшіе, но добрые.

I.

Сегестанъ и Хорасанъ — провинціи Персіи.

Голосъ Керны завывалъ.

Керна, родъ военной трубы; она была въ большомъ употребленіи въ войскѣ Тамерлановомъ; звукъ ея ужасенъ и слышенъ издалека.

И на трупахъ тотъ Великій
Тотъ ужасный пировалъ.

Чингисъ (великій) — Ханъ, опустошалъ въ числѣ прочихъ и Хорасанскую область.

II.

Но свершилось! мечъ Некира.

Некиръ и *Монкиръ* — Ангелы смерти, именуемые на Востокѣ *искателями гроба.*

Мрачный духъ уединенья.

На Востокѣ есть повѣрье, что всякая пустыня обитаема своимъ духомъ-хранителемъ, которато называютъ *Духомъ уединенія.*

III.

Между камней цвѣтъ ночной

Цвѣтокъ, называемый Естествоиспытателями Nictanthes, разливаетъ свое благоуханіе по захожденіи солнца.

IV.

Вотъ, какъ Аліевы очи,

Красота очей Аліевыхъ была весьма замѣчательна у Персовъ. Они говорили: прекрасенъ, какъ Аліевы очи.

V.

Храмы Гебровъ подымались.

Гебры, коренные обитатели Персіи, не хотѣли оставить древней своей вѣры, ученія Зороастра и, по завоеваніи Персіи Аравитянами, были гонимы и принуждены удалиться изъ оной. Одинъ изъ лучшихъ храмовъ ихъ былъ въ области Хорасанской, близъ города Герата (древней Аріи).

VIII.

Какъ въ рукахъ окостенѣлыхъ и проч.

На Востокѣ есть и понынѣ обыкновеніе, давать въ руку умершихъ дѣвицъ букеты цвѣтовъ.

XI.

Какъ Седжина стражъ унылой

Седжинъ — запись дѣлъ духовъ и человѣковъ.

XVII.

И цвѣтовъ блестящихъ златомъ.

Гемасагара или *море золота* — имѣетъ цвѣты самаго яркаго золотаго цвѣта.

XXI.

Поятъ звѣздные фіалы.

На берегу четыреугольнаго озера стоятъ 1000 звѣздныхъ фіаловъ, изъ которыхъ пьютъ души блаженныя.

XXVI.

Если бъ Эвлисъ предъ Творцемъ.

Эвлисъ — у Восточныхъ — Веельзевулъ.

XXVIII.

Гармоническихъ ключей.

Хиндара — баснословный источникъ, издающій безпрерывно музыкальные звуки.

XXXII.

На платанахъ вдоль Курхана.

Курханъ — рѣка, иначе называемая Оксусъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗА ДВѢ ЧАСТИ 3 РУБ. СЕР.

2007051500